Б. Т. Рубцов

ЯН ГУС

Б. Т. Рубцов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1958

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рубцов Борис Тимофеевич
ЯН ГУС

Редактор *В. Антонов*
Оформление художника *А. Соколова*
Художественный редактор *С. Сергеев*
Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 17 октября 1957 г. Подписано в печать 13 декабря 1957 г.
Формат 84×108 1/32. Физ. печ. л. 2 1/4 Условн. печ. л. 3,69. Тираж 75 тыс. экз. А 07588.
Уч.-изд. л. 3,51. Заказ № 1033. Цена 85 коп.

Государственное издательство политической литературы
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этот жаркий, безветренный июльский день 1955 г. небо над старинным чешским городом Табором было чисто и прозрачно. Казалось, во всем городе нет такого места, где можно укрыться от палящих солнечных лучей, от яркого, слепящего блеска. Но никто не искал тени — улицы и площади были заполнены множеством народа. К местным жителям присоединялись приезжие. Из разных уголков Чехословакии прибыли они сюда.

Над притихшими рядами, над многими тысячами людей, собравшихся на центральной площади города, раздался голос. Он был хорошо знаком присутствующим — кто из граждан народно-демократической Чехословакии не знал имени оратора? В этот день выступал президент Чехословацкой республики, ветеран и руководитель рабочего движения, Антонин Запотоцкий. Обращаясь к слушателям, заполнившим городскую площадь, прилегающие улицы и переулки, он говорил об успехах тружеников Чехословакии, об их неотложных задачах. Но вот оратор приостановился и, сделав небольшую паузу, напомнил присутствующим о славной жизни и героической гибели одного из выдающихся сынов чешского народа. Когда над многотысячной толпой раздалось знакомое имя, можно было бы подумать, что многие из собравшихся хорошо знали этого человека. Уважение и любовь светились в их глазах, на многих ресницах блестели слезы. Их не старались скрыть, и вся людская масса в едином порыве почтила память погибшего борца скорбным торжественным молчанием.

А между тем речь шла о человеке, который жил много лет назад. Даже отцы и деды присутствовавших не могли знать его лично.

Слыша его имя, многие переносились мыслью к другому июльскому дню.

6 июля 1415 г., 540 лет назад, в такой же июльский день далеко от границ Чехии, на берегу Рейна, медленно разгорался костер. Крепко привязанный веревкой к столбу, стоял бледный, худой человек. Взор его выражал непреклонную решимость, твердость и стойкость. В последний раз приблизился к осужденному вельможа в расшитой золотом одежде. Он обещал приговоренному к смерти пощаду и жизнь; от его решения зависело отменить приговор, погасить пламя, которое начало, потрескивая, распространяться по сухим дровам. Но человек на костре был непоколебим, и, хотя пламя разгоралось и росло, ничто не могло заставить его отречься от своих убеждений, от дела всей жизни.

Расправой с великим чехом враги хотели устрашить и унизить чешский народ, но они просчитались. И сейчас, спустя пять столетий, имя этого человека близко и знакомо не только гражданам Чехословакии, но всему передовому человечеству.

Кто же он был такой? За что отдал он свою жизнь? Чем вызвал ненависть и жестокую расправу? И почему его имя так дорого нам? Именно для того, чтобы рассказать советскому читателю о замечательном чешском патриоте, борце и мыслителе, написана эта книжка.

ГЛАВА I

ДЕТСТВО И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В один из летних дней 1371 г. в небольшом местечке Гусинце, на юге Чехии, в семье крестьянина Михаила родился сын. Мальчика назвали Яном.

Гусинец, где быстро промелькнули детские годы Яна, разбросал свои домики на невысоком холме, у подножья которого протекала спокойная речка Бланица. По соседним возвышенностям и вдоль дороги к ближайшему городу Прахатице широко раскинулись леса. Много лет прошло с тех пор, но до настоящего времени в Гусинце показывают маленький домик, где жила, по преданию, семья Михаила, и другие памятные места.

Прекрасна природа южной Чехии, живописны поля и рощи, по которым бегал с другими детьми маленький Ян, но тяжела была окружавшая его жизнь.

В те далекие времена в Чехии господствовали феодально-крепостнические порядки. Земля принадлежала помещикам-феодалам, которые жили за счет эксплуатации крепостных крестьян. Крестьяне составляли большинство населения. Средневековые феодалы были не только собственниками земли. Они пользовались почти неограниченными правами над жизнью и трудом своих крепостных.

Земля феодалов обычно делилась на две части. На одной из них феодал вел свое хозяйство, заставляя крестьян работать на себя. Другая часть распадалась на небольшие крестьянские участки. Прикрепленные к ним крепостные должны были обрабатывать своими орудиями господскую землю и, кроме того, вносить многочисленные поборы. Чтобы заставить крестьян работать на

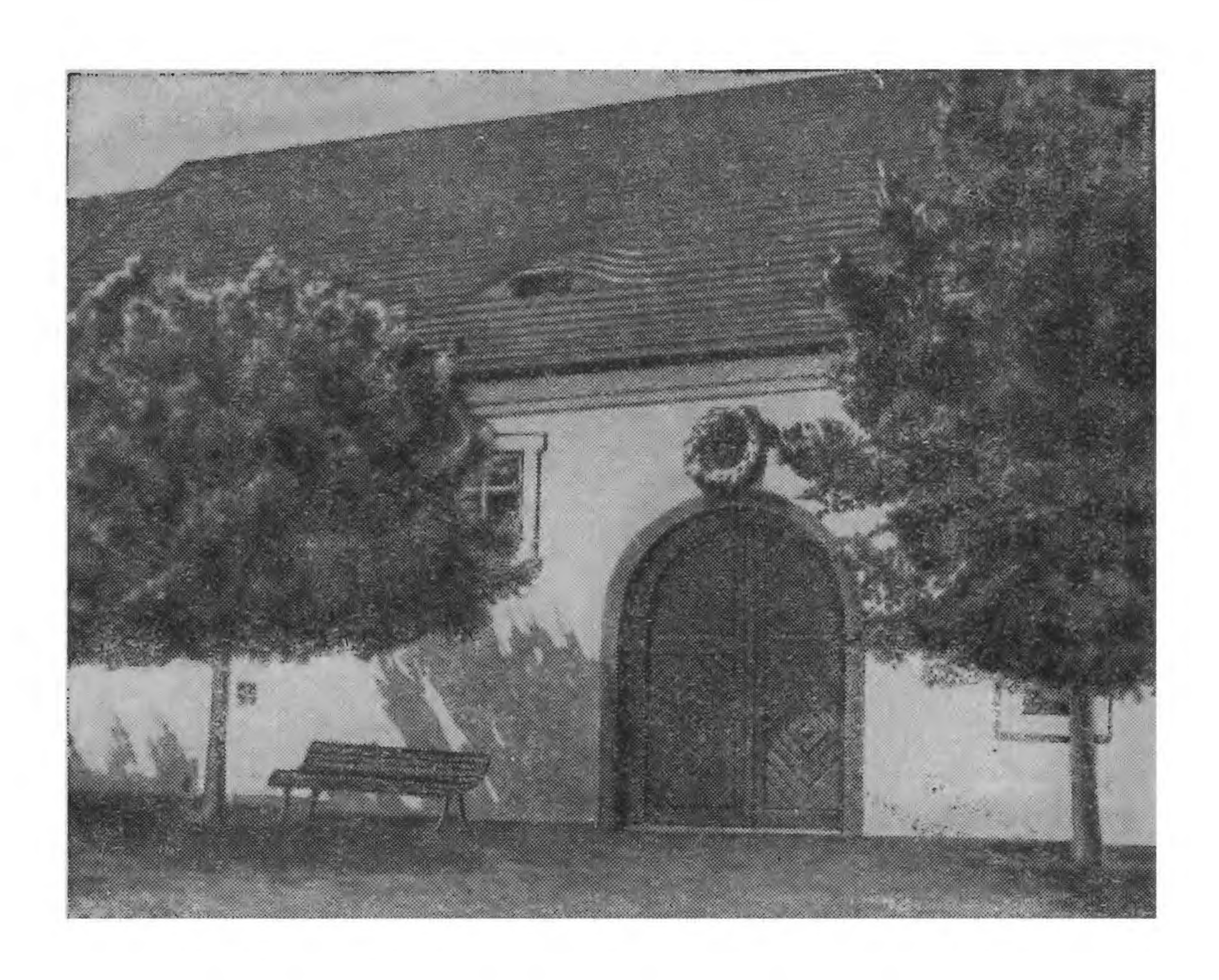
себя, феодалы использовали все средства принуждения. На помощь им приходили вооруженные силы главы феодального государства — короля. Кроме поборов в пользу помещиков крестьяне платили налоги и выполняли разнообразные повинности в пользу государства — строили дороги, мосты, замки и т. д. Но даже то, что оставалось после этого у крестьянина, привлекало хищные взоры попов, которые были также беззастенчивыми и жестокими угнетателями.

Католическая церковь была крупнейшим феодалом. Ей принадлежало в то время более одной трети всей земли в Чехии. Самым крупным церковным феодалом был пражский архиепископ. Ему принадлежало более чем 900 сел и городов. Богатыми феодалами были многие настоятели монастырей. Чешские монастыри владели громадным количеством пахотной земли, лугов, лесов и беспощадно эксплуатировали своих крестьян.

Церковные или духовные феодалы не только владели землей, но и защищали незыблемость феодальных порядков в целом. Они утверждали, что бесправие и угнетение народа должны существовать вечно, ибо такова, по их словам, воля божья. Всякое выступление против феодалов церковь объявляла преступлением, за которое виновный не только будет подвергнут наказанию «законными властями» на земле, но и на том свете будет «ввергнут в геенну огненную». Так церковь являлась верным псом феодального строя.

Много и тяжело приходилось работать чешскому крестьянину, но костлявый призрак голода почти всегда стоял у него за плечами. Ведь техника сельского хозяйства была тогда крайне низкой. Землю пахали сохой, урожай собирали и обмолачивали вручную, удобрений почти не применяли. Крестьянский скот от постоянного недоедания и тяжелой работы был мелким и слабосильным. Да и сами люди, истощенные непосильным трудом и частыми голодовками, едва прикрытые лохмотьями, выглядели иной раз не лучше своих заморенных кляч и тощих коровенок.

Даже урожайный год не всегда давал избавление крестьянам. Главной причиной бедственного положения крестьян, их беспросветной нужды, была феодальная эксплуатация. Лучшую и большую часть урожая отнимали помещик, королевский сборщик и поп. Крестьянам при-

Домик в Гусинце, в котором родился Ян Гус

ходилось не только работать на господской земле. Они везли в амбары феодалов мешки с отборным зерном, несли сыр и масло, кур и уток, яйца и мед — не было такого продукта, от которого господин не получал бы лучшую часть. Алчному помещику всего этого было мало. Все чаще и все больше требует он от крестьян денег. Но и на этом не кончались несчастья средневекового крестьянина. Редкий год обходился без войны, эпидемии или какого-нибудь стихийного бедствия.

Крестьяне не мирились с жестокой эксплуатацией. Они убегали от своих господ, иногда убивали наиболее ненавистных феодалов, поджигали помещичьи усадьбы. Время от времени происходили вооруженные выступления. Но крестьянские восстания были стихийны, крестьяне не имели руководителей, были плохо вооружены, и феодалы жестоко расправлялись с повстанцами.

Маленькому Яну приходилось сталкиваться на каждом шагу с повседневными заботами, тяжелой жизнью и бесправием народа. Отец трудился, не покладая рук, от

Пахота

зари до зари, чтобы прокормить семью, в которой уже было два сына. Мать хлопотала по хозяйству, и оба они все чаще задумывались над судьбой своих детей. Для сына крестьянина в ту пору была лишь одна возможность, обещавшая избавление от непосильного труда, нищеты и угнетения,— стать священником. Но для этого надо было пройти нелегкий путь учения.

В Гусинце школы не было, и родители, преодолевая многие затруднения, определили Яна в школу в Прахатице. Город этот находился на расстоянии часового пути от Гусинца. В тихие летние вечера звон прахатицких колоколов доносился до жителей местечка.

Хотя город Прахатице был не так уж велик, любознательному мальчику он показался многолюдным и богатым. В самом деле, в те времена и таких городов было в Чехии немного. В городе были сосредоточены ремесленники разных профессий. Прахатице был центром оживленной торговли. Через город проходила дорога, связывавшая столицу Чехии, Прагу, с австрийскими землями и Южной Германией. На маленького школьника произвел незабываемое впечатление высокий собор на центральной площади города, сутолока и пестрота улиц в ярмарочные дни, иностранные купцы, привозившие из далеких стран редкие и невиданные товары. Да и в будние дни встречалось здесь много такого, чего не приходилось ему видеть в родном Гусинце: многочисленные ремесленники труди-

Рубка леса

лись в своих мастерских, которые находились в узких извилистых переулках. Стоя в открытых дверях лавок, торговцы зазывали покупателей; медленно шествовали по широкой площади важные, толстые купцы в разноцветных дорогих одеждах.

Чехия 600 лет тому назад была сельскохозяйственной страной, но в ее городах были развиты различные ремесла. Чешские ремесленники производили льняные и шерстяные ткани, одежду, обувь, ножи, топоры, плуги и другие сельскохозяйственные орудия; искусные мастера отливали церковные колокола, а также изготовляли пушки, представлявшие в ту пору еще редкость и диковинку.

Особенной славой и спросом пользовались далеко за границами страны чешские изделия из стекла. По всей Европе широко было известно также чешское серебро.

Городское население тогдашней Чехии не было единым. Богатые купцы и зажиточные ремесленники составляли верхушку горожан. Эти толстосумы являлись особой, привилегированной группой, которая называлась патрициатом. Патриции входили в состав городских советов, судебных и финансовых органов городского управления. Большинство патрициев в это время состояло в чешских городах из немцев. Среди патрициев были и другие ино-

странцы. Они ехали в богатые чешские земли, привлеченные возможностью скорой наживы.

Основная масса горожан называлась бюргерами. Они были владельцами небольших мастерских или вели мелкую, розничную торговлю. Большая часть бюргеров сама трудилась. Но в то же время почти в каждой мастерской были наемные работники — подмастерья. Тогдашние законы ограничивали число подмастерьев в отдельной мастерской. В Чехии оно не должно было быть больше двух. Наряду с подмастерьями работали и члены семьи мастера.

Бюргеры составляли ядро цехов — объединение ремесленников по профессиям. Положение бюргеров было двойственным. Они испытывали гнет феодалов и выступали против него, но сами являлись эксплуататорами. Бюргеры-чехи в конце XIV — начале XV в. остро чувствовали свое неполноправное положение и тяжелую руку патрициев-иноземцев.

Несравнимо больший гнет испытывали низы городского населения. Они назывались плебеями. Это были подмастерья, поденщики, чернорабочие. Среди них насчитывалось немало крестьян, бежавших в город от гнета своих помещиков.

Трудом крестьян и городских ремесленников создавалось богатство и благополучие феодалов и патрициев.

Самым крупным и жестоким эксплуататором была католическая церковь, поэтому накопившаяся на протяжении многих лет ненависть народа к угнетателям обрушивалась в первую очередь на феодалов в рясах.

Незаметный, упорный, самоотверженный труд простых людей вывел Чехию в XIV в. на одно из первых мест в Европе. Чехия была в то время централизованным феодальным государством. Во главе ее стоял король. Политическая раздробленность былых времен, когда каждый крупный феодал не признавал над собой никакой власти, уходила в прошлое. Государственную власть на местах осуществляли в Чехии королевские наместники и другие чиновники. При короле в Праге были сосредоточены центральные органы управления.

Укрепление авторитета королевской власти в Чехии нашло свое выражение в том, что чешский король Карл IV (1346—1378), а впоследствии его сын Вацлав IV

Герб чешского королевства

(1378—1419) стали германскими императорами[1]. Крупные чешские феодалы, которые назывались панами, сохраняли огромные земельные владения. Они часто заставляли королевскую власть отступать перед их требова-

[1] В средние века Германия была раздроблена на ряд мелких и мельчайших государств-герцогств, княжеств, графств и т. д. Германские феодалы стремились захватить соседние земли — Чехию, Польшу, Северную Италию и др. Во главе этого лоскутного государства стоял император, который назывался пышным титулом «императора Священной Римской империи», но на деле не имел почти никакой власти над непокорными феодалами Германии и других земель. Власть императора была избирательной.

ниями. Но король был силен, пока его поддерживали мелкие феодалы-рыцари. В Чехии они назывались земанами. Земаны составляли ядро королевского войска. Положение их было неустойчивым. Земаны находились в постоянной вражде с крупными феодалами — панами, растущие богатства которых вызывали у них зависть. Паны нередко захватывали владения земанов, а сами земаны вынуждены были идти на службу к крупным феодалам. Но все группы феодалов жили за счет народа и всегда готовы были объединиться против него.

Грызня в лагере феодалов тяжело отражалась на положении народных масс, но в то же время облегчала их борьбу против феодального гнета. Массы были кровно заинтересованы в прекращении междоусобных войн и вооруженных столкновений между феодалами. В борьбе против своеволия панов, за укрепление единства страны поддержка и сочувствие народа находились на стороне короля.

Так как феодальные порядки основывались на жестокой эксплуатации, то главной задачей феодального государства было удержание в повиновении народных масс. Жестоко и беспощадно расправлялись королевские судьи и наместники со всяким, кто осмеливался выступать против угнетения и бесправия крестьян. И паны, и земаны были единодушны там, где речь шла об укреплении эксплуатации. Законы защищали феодалов и их собственность. Крестьянам эти законы сулили мучительные пытки и казни.

Не только король, но и паны, церковь, монастыри имели свои тюрьмы, содержали палачей. И каких только изощренных наказаний не придумывала изуверская фантазия феодальных юристов! Колесование, четвертование, посажение на кол, подвешивание за ребро — вот средства, не считая костра, виселицы и топора, которые помогали феодалам удерживать веками народ в нищете и бесправии.

Содержание пышного королевского двора, многочисленных чиновников и наемных войск ложилось непосильным бременем на плечи трудящихся Чехии. Налоги становились все более тяжелыми, жизнь народных масс ухудшалась, росло их недовольство.

Отношения между крестьянами и феодалами, между патрициатом и городской беднотой чрезвычайно ослож-

нялись в средневековой Чехии национальными противоречиями. Среди панов было немало иноземцев, еще больше было их среди попов и монахов, а в крупных городах страны верхушка патрициата была почти полностью немецкой. Иноземные выходцы жестоко угнетали чехов, грубо попирали древнюю культуру чешского народа, пренебрегали чешским языком и зарождавшейся литературой. Засилье иноземцев было настолько велико, что многие чешские феодалы и патриции стремились во всем сравняться с немцами — усваивали немецкую речь и обычаи, изменяли свои родовые имена и выступали как жестокие гонители родного языка и культуры. Это еще больше раздражало народные массы, обостряло и обнажало противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Не удивительно, что простой народ склонен был иногда отождествлять всех своих угнетателей с иноземцами и мечтал об избавлении от них. Таково было положение Чехии в дни, когда школьник Ян отправлялся по утрам в Прахатице.

Школа в Прахатице, где обучался Ян со своими сверстниками, ничем не отличалась от обычных для средневековья учебных заведений. Здесь преподавали грамматику, риторику и диалектику. В старших классах учили, кроме того, арифметике и астрономии. Но читатель не должен думать, что тогдашняя арифметика и грамматика соответствовали нынешним понятиям об этих предметах. Прежде всего, школяры изучали главным образом латинскую грамматику. По арифметике обучение чаще всего не шло дальше сложения и вычитания целых чисел, а деление считалось верхом премудрости. Астрономия заключалась в том, что учащихся заставляли вызубривать дни церковных праздников, а диалектика сводилась к изложению простейших правил умозаключений. Все преподавание было основано на священном писании, а главным предметом был закон божий. В средневековых школах, где господствовали розга и бессмысленная зубрежка, ученики должны были заучивать наизусть отрывки церковных текстов, длиннейшие латинские стихи да напевы псалмов.

Сплошь и рядом тупые и необразованные учителя с трудом добивались того, что их ученики усваивали искаженную подчас до неузнаваемости латынь да простейшие арифметические действия. Обучение затруднялось тем, что печатных книг тогда не было вовсе и ученикам

приходилось одолевать школьную науку на память, повторяя каждую фразу по нескольку раз за учителем.

Недостатки собственных познаний и несовершенство методов обучения учителя с лихвой возмещали побоями, в изобилии приходившимися на долю учеников. И нашему Яну пришлось, конечно, вытерпеть немало розог и затрещин.

Но попасть даже в такую школу было нелегко. Немало кур, гусей, яиц и других припасов приходилось приносить учителю, дорого обходились грифельные доски или навощенные деревянные таблички, на которых обычно писали школяры. Приобрести пергаментную или бумажную тетрадь было им не под силу. Большинство крестьянских детей не посещало школы, и только некоторые с трудом выучивались подписывать имя да читать по складам аккуратно написанный текст. Даже среди светских и духовных феодалов попадались неграмотные, а массы трудящихся находились в средневековой Чехии, как, впрочем, и во всей феодальной Европе, в полном невежестве и темноте.

Но вот школьная премудрость уже позади. К этому времени умер отец Яна, Михаил. Положение семьи ухудшилось. Все чаще в двери их домика стучала нужда. Предстояло подумать о дальнейшей жизни, о выборе профессии. Ян хотел учиться и стать священником. Впоследствии он сам признавался, что к такому решению его привела надежда добиться сытой и обеспеченной жизни.

Вместе с матерью, собравшей последние крохи, чтобы снарядить сына в дорогу, восемнадцатилетний подросток отправился в Прагу. Мать несла на руках живого гуся и большой мягкий калач — скромные подарки для тех, от кого зависело принять ее сына в университет. До Праги было уже недалеко, когда гусь, которому надоело путешествие, вырвался. Напрасно сын и мать пытались его поймать. Мать была очень огорчена, что ее Яну приходится с пустыми руками вступать в чужой город. Разве могла она предполагать, что имя ее сына навсегда прославится не только в этом городе, но и в Чехии и станет знаменем борьбы против феодального угнетения?

ГЛАВА II

СТУДЕНТ ПРАЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Если даже Прахатице представились в свое время Яну большим городом по сравнению с родным Гусинцем, то что мог сказать деревенский юноша о Праге, которая являлась в XIV в. одним из крупнейших городов Европы.

Прага насчитывала уже в то время несколько десятков тысяч жителей. Все дальше разрастались ее строения, улицы и площади за пределы Старого Места; образовались новые районы города — Новое Место. Прага украшалась великолепными постройками, многие из которых сохранились до наших дней. Были построены величественный храм св. Витта, замечательный мост через Влтаву и много разнообразных зданий.

Из далеких стран приезжали в столицу Чехии купеческие караваны. На улицах города можно было услышать не только чешскую, но и английскую или итальянскую, даже арабскую и персидскую речь.

В мастерских, расположенных на узких улицах и в переулках Старого и Нового Места, с раннего утра до поздней ночи трудились искуснейшие в Чехии ремесленники. Изо дня в день работали они, чтобы заработать себе пропитание. Они могли разогнуть натруженную спину только по праздничным дням, но немало было в Праге и таких, для которых вся жизнь являлась сплошным праздником. Богатства некоторых пражских патрициев были воистину королевскими. В меняльных конторах купцы пересчитывали золотые монеты иноземной чеканки; жирные монахи важно расхаживали по городу, шурша шелковыми рясами; разодетые в атлас и бархат придворные рыцари весело

гарцевали на статных конях; медленно проходили по улицам патриции в соболиных мехах, а вдогонку неслись стоны голодных и вопли нищих, умолявших о подаянии.

Богата и красива была древняя столица Чехии, золотая Прага, но жизнь большей части пражан была непохожа на привольное и роскошное житье небольшой кучки богачей. Нигде в Чехии противоречия между трудом и праздностью, между нищетой и роскошью не бросались так в глаза, как в Праге.

Наряду с площадями, украшенными великолепными зданиями, немало было в Праге темных, смрадных закоулков, куда с трудом пробивали дорогу лучи солнца. Здесь ютилась беднота, поденщики или крестьяне, пришедшие в город в поисках куска хлеба.

Многие из жителей Праги пополняли свои скудные средства, занимаясь огородничеством и даже хлебопашеством, а всего в нескольких сотнях шагов от стен лежали деревни, принадлежавшие как светским феодалам, так и пражским монастырям и попам. Близость большого города не улучшала положения крестьян соседних сел. Пожалуй, нигде в Чехии барщина не была так велика, как здесь. Когда же изнуренные непосильным трудом крестьяне бежали в Прагу, то даже если помещикам не удавалось их схватить, непреодолимая нужда часто заставляла их возвращаться.

Прага была главным культурным центром Чехии. Здесь находился старейший в Центральной Европе университет. Хотя средневековые университеты были тесно связаны с католической церковью и церковные науки занимали в них господствующее место, но все-таки в университетах преподавались и начатки светских знаний. Церковь в средние века полностью подчинила себе всякое образование, науку и литературу. Учение церкви освящало феодальную эксплуатацию, призывало угнетенных к терпению и покорности. Высшим знанием считалось тогда богословие, все остальные науки были объявлены «служанками богословия». Всякое отступление от священных книг и церковных писаний рассматривалось как тяжелое преступление. Людей, осмеливавшихся выступать с критикой церкви и ее порядков, ожидали пытки и костры инквизиции [1]. Вполне

---

[1] Инквизиция — кровавый церковный суд, предназначавшийся для жестокой расправы со всеми, кто осмеливался выступить про-

Прага. Мост через Влтаву

понятно, что в средние века наука была оторвана от жизни и находилась на очень низком уровне.

В годы, когда молодой Ян из Гусинца обучался в Пражском университете, там было три факультета: «артистический» (или «свободных искусств»), богословский и медицинский. Особняком стоял юридический факультет, имевший свою собственную администрацию.

Преподавание на всех этих факультетах было сухим и формальным. Даже на медицинском факультете обучение состояло в том, что студенты записывали со слов профессора лекции, а затем выучивали их наизусть. На юридическом факультете изучали римское и церковное право, на богословском — «священное» писание и произведения бесчисленных его толкователей.

Методы преподавания были везде одни и те же. Единственное оживление в это оторванное от жизни, схоластическое обучение вносили ученые диспуты. Но и они спо-

---

тив церковных порядков и феодальной эксплуатации. Вся история инквизиции — цепь страшных преступлений католической церкви против человечества и прогресса.

собны удивить современного читателя крайней безжизненностью и подчас нелепостью вопросов, вызывавших в свое время ожесточенные словесные препирательства. Чаще всего для обсуждения во время диспутов предлагали согласовать между собой противоречивые высказывания авторитетных средневековых ученых по одному и тому же вопросу; а самые вопросы поражают своей надуманностью. Задавали, например, такой вопрос: «Может ли невещественная душа наказываться в аду вещественным огнем?», «Наделена ли женщина бессмертной душой?», «Какого пола был змей, введший в соблазн Еву?», «Говорил ли бог с Адамом на древнееврейском языке?» и т. п.

Уже из этого видно, на каком низком уровне находилась средневековая наука. Это объясняется тем, что церковь не выпускала из своих цепких рук просвещение и стремилась увековечить темноту масс. Невежество и суеверие процветали среди тогдашних ученых. Отупляющая зубрежка, воспитание беспрекословного повиновения перед признанными церковью авторитетами — таковы были методы обучения, а грамотность, обрывки знаний да умение разбираться в каверзнейших схоластических вопросах — вот та сумма сведений и навыков, которые давал средневековый университет большинству своих питомцев.

Впрочем, даже в таких условиях некоторые умудрялись приобрести более прочные и основательные познания — они глубоко изучали произведения древних философов и естествоиспытателей, языки, математику. Но, как правило, всякая попытка выйти за пределы освященного церковью и традицией круга знаний кончалась для них плохо. Так, еще в XIII в. великий английский ученый Роджер Бэкон выдвинул лозунг о необходимости изучать природу. Церковь жестоко расправилась со смелым мыслителем. Он подвергся преследованиям церковного начальства и закончил свою жизнь в монастырской тюрьме.

В то время, когда Ян с замиранием сердца увидел, что его имя внесено в университетские списки, общее количество студентов и преподавателей Пражского университета доходило до 2 тысяч. В числе студентов были не только чехи и словаки, но и поляки, венгры, немцы, а также уроженцы западнорусских областей. Студенты делились на четыре землячества, которые назывались «нациями». При организации университета большая часть магистров (профессора в средневековых университатах назывались ма-

Собор св. Витта

гистрами) была привлечена из-за границы. Руководство Пражским университетом постепенно прибрали к рукам немцы. Лекции читались в Праге, как и во всей средневековой Европе, на мертвом латинском языке. Но, несмотря на это, университет способствовал культурному росту Чехии. В университете разгорается острая внутренняя борьба. Магистры-чехи, опираясь на поддержку студентов, выступали против немецкого засилья в университете. Борьба

внутри университета была частью борьбы чешского народа за свою национальную культуру.

Поступая в университет, Ян из Гусинца избрал «артистический» факультет. Здесь обучали, правда в большем объеме, чем в школе, уже знакомым предметам: грамматике, риторике, диалектике, а также логике, математике, музыке и астрономии. «Артистический» факультет считался «младшим» в университете, а его задача главным образом состояла в том, чтобы подготовить слушателей к поступлению в дальнейшем на богословский факультет, который считался «старшим». Выслушав определенное количество обязательных курсов, которые все были основаны на приспособленных к церковному учению произведениях Аристотеля [1], Ян окончательно утвердился в познаниях, приобретенных еще в школе, и хорошо освоил латинский язык. В области логики он значительно расширил свои знания, приобрел навыки в искусстве ловить своих противников на противоречиях и опровергать их высказывания. Кроме того, он выучил немецкий язык.

В университетские годы Ян принимал и разделял радости и горести голодной, но веселой жизни тогдашнего пражского студенчества. Впоследствии он сам вспоминал о том, что участвовал в праздничных песнопениях и торжествах, прислуживал в церкви и, несмотря на это, был часто настолько голоден, что вместе с гороховой похлебкой съедал и ложку (бедняки часто пользовались в то время ложкой, вылепленной из хлебного мякиша).

Голодные дни сменялись иногда шумными попойками в кругу друзей, азартными играми и шутовскими выходками. Впрочем, Ян не слишком любил такие забавы и с увлечением играл только в шахматы, уже известные в то время в Европе. Вместе с тем молодой студент много и прилежно читал. Уже и тогда он отличался повышенным интересом к вопросам религии и нравственности.

В сентябре 1393 г. Ян из Гусинца, как он теперь именовался в официальных документах, сдал все экзамены и окончил университет. Ему было присвоено звание бакалавра. Казалось, что мечта крестьянского сына из Гусинца близка к осуществлению. Несомненно, блестяще закончив-

---

[1] Аристотель (IV в. до н. э.) — великий греческий ученый и философ. В средние века церковники грубо извратили взгляды Аристотеля, стремясь подогнать их под учение христианской церкви.

Учредительная грамота Пражского университета

ший университет бакалавр мог рассчитывать на доходное место. Но его вдохновляли теперь уже другие мечты, и судьба его сложилась по-иному.

Итак, годы учения были позади, и Ян из Гусинца определил, казалось, свой путь. Он получил низшее церковное звание, вступив тем самым в ряды католического духовенства. Что же представляла собой католическая церковь того времени?

Католическая церковь в средние века была богата и всесильна. Не только в Чехии, но и в других странах Европы ей принадлежало огромное количество поместий, сел, замков, городов. Крупнейшим церковным феодалам принадлежали целые княжества. Во главе всей католической церкви стоял папа римский. Его владения охватывали обширные области в Италии, во Франции и в других странах. Тысячи крепостных трудились для того, чтобы папа и окружавшая его кучка паразитов могли жить в роскоши, предаваться пьянству и разврату.

Попы и монахи были гнусными лицемерами. Проповедуя смирение, нестяжание и довольство ниспосланной богом участью, они содержали в своих владениях военную стражу и палачей, строили крепости и замки, имели страш-

ные подземные тюрьмы и были самыми жестокими, жадными и коварными эксплуататорами.

Не довольствуясь доходами со своих громадных земельных владений, церковники не брезговали любыми средствами для умножения своих богатств. В пользу церкви повсеместно собирали десятину — побор, состоявший из одной десятой доли со всех видов крестьянского хозяйства. Пользуясь темнотой и забитостью крестьян, служители божьи бесстыдно эксплуатировали их религиозные чувства, сплошь да рядом произвольно увеличивали десятину и находили все новые и новые предлоги для получения дополнительных «доброхотных даяний».

Нельзя забывать и о том, какой огромный, поистине неиссякаемый источник дохода представляла для корыстолюбивых попов их роль посредников между «грешной землей» и «царствием небесным». Они получали особые подарки на праздники и систематически взимали мзду за многочисленные церковные требы. За крещение и за отпевание, за венчание и за причастие — за все и всегда крестьянин должен был платить.

Одним из средств упрочения власти церкви над умами было насаждение и поддержка всяких суеверий. Не довольствуясь казнями и пытками на этом свете, церковники пугали всех, кто осмеливался поднять против них голос, вечными мучениями ада. Покорным и безропотно несущим гнет эксплуатации они обещали, напротив, счастливую жизнь в царстве небесном. Для укрепления своей власти и авторитета церковь была заинтересована в невежестве простого народа. Церковники жестоко преследовали всякого, кто осмеливался поднять свой голос против церковного учения и тесно связанных с ним грубейших суеверий. Таких людей обычно обвиняли в сообщничестве с дьяволом, в колдовстве и ведовстве. Тысячи несчастных были замучены церковниками, а их имущество было захвачено ревнителями «чистоты веры».

Эксплуатация, разврат и лицемерие служителей господних вызывали законное возмущение народных масс. Крупные восстания, направленные против церкви, прокатились в XIII—XIV вв. в Италии, Южной Франции и других странах.

На протяжении всего XIV в. в Чехии также вспыхивали стихийные выступления, направленные против гнета и эксплуатации церковных феодалов. Антифеодальная сущ-

Переезд католического попа

ность этих движений прикрывалась антицерковными лозунгами. Такие лозунги и выступления назывались в средние века еретическими. Участников антицерковных выступлений называли еретиками. Ереси были выражением классовой борьбы в средневековье. Церковные и светские феодалы жестоко преследовали еретиков, сжигали их на кострах, подвергали изощренным пыткам и издевательствам. Но, несмотря на это, уже со средины XIV в. против зло-

употреблений и разложения католического духовенства начинают раздаваться в Чехии голоса протеста, и даже из среды самих церковников.

К середине XIV в. относятся выступления Конрада Вальдгаузера. Вальдгаузер был прежде монахом в одном из австрийских монастырей. В Праге он разоблачал в своих проповедях корыстолюбие и разврат монашества, бичевал пороки церковников. Смелые обличения Конрада обнажали смердящие язвы католической церкви и толкали слушателей на путь антицерковной борьбы.

Значительно более широкие отклики среди пражан находили огненные проповеди Яна Милича. Милич в молодости стоял близко к королевскому двору, но отказался от своих богатств и стал проповедовать необходимость очищения и перевоспитания распущенного духовенства. Самыми яркими красками Милич рисовал отвратительную картину разложения католического духовенства и призывал к тому, чтобы лишить церковников их имущества. Папу он называл антихристом. Милич был замечательным оратором. Проповеди его велись как на чешском, так и на немецком языке. Он пользовался огромной популярностью среди пражского населения. Это встревожило католическое духовенство; Милич был вызван к папе, и его заставили отказаться от продолжения проповеднической деятельности.

Большую роль в антицерковной борьбе сыграл Матвей из Янова. Матвей был одним из самых образованных людей своего времени. Он горячо выступал против разврата католического духовенства. Матвей написал пятитомный трактат, на страницах которого обосновал взгляды, по ряду вопросов шедшие вразрез с учением католической церкви. В отличие от церкви, учившей, что только неукоснительное соблюдение всех обрядов может дать «спасение души», Матвей утверждал, что основой христианства должна быть искренняя вера. Матвей из Янова доказывал, что существование монашества не оправдывается евангелием и другими «священными» книгами. Папу он называл двурогим зверем, церковников — служителями антихриста и смело разоблачал продажность и разврат попов и монахов. Матвей считал, что оздоровление церкви может быть достигнуто лишь тогда, когда у монастырей и церквей будут отняты их богатства. В то же время Матвей выражал сожаление о том, что народ терпит на своем теле

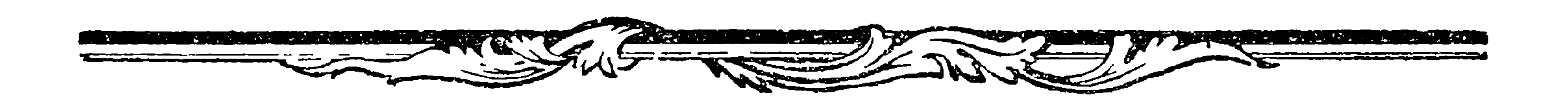
злокачественный нарост — католическую церковь, и указывал, что борьба против нее неизбежна. Эксплуатацию человека человеком Матвей считал несправедливой, а неравенство людей называл изобретением дьявола.

Антицерковная проповедь Матвея была запрещена, ему пригрозили жестокими наказаниями. Затравленный преследованиями врагов, он вынужден был отречься и вскоре умер.

После получения первой ученой степени Ян из Гусинца стал готовиться к сдаче магистерских экзаменов. В эти годы он выполнял обязанность преподавателя Пражского университета, но с ограниченными правами. В феврале 1396 г. он снова предстал перед испытательными комиссиями, выполнил необходимые формальности и получил звание магистра.

Больших успехов добился молодой Ян из Гусинца в Праге. Голодные годы остались далеко позади. Магистру Пражского университета можно было рассчитывать на блестящую академическую или церковную карьеру.

Но Ян оставался по-прежнему чутким, отзывчивым товарищем, много раз приходившим на помощь своим друзьям в денежных затруднениях, всегда был готов помочь студенту-бедняку. Несмотря на усердную работу над богословскими трудами, которые он обязан был изучать, пытливый его ум ставил все новые вопросы, на которые не было ответа в одобренных церковью сочинениях; немало способствовало расширению его кругозора и непродолжительное путешествие в 1398 г. за границу, в Германию и Францию. В этом же году он впервые был упомянут в официальных документах под тем именем, под которым навсегда вошел в историю: магистр Ян Гус.

ГЛАВА III

ЗНАМЯ БОРЬБЫ ПОДНЯТО!

Вот уже и осуществились мечты сына крестьянина Михаила из Гусинца. В обычном одеянии университетского магистра — в длинном плаще, в бархатном берете, с золотым перстнем на пальце — присутствует он на экзаменах, на диспутах и заседаниях в университете. Можно было подумать, что он пойдет по пути других магистров, иссохших за полуистлевшими свитками или лоснящихся и расплывающихся в самодовольной улыбке при воспоминании о последней попойке. В сердце Гуса неугасимо горело воспоминание о тяжких мучениях простого народа. Благодаря незаурядным способностям, упорному труду и многим лишениям стал он магистром. Но Гус всегда помнил, что это куплено дорогой ценой. Родители надрывались на тяжелой работе для того, чтобы вывести своего сына в люди. В сознании Гуса зарождалась мысль о том, что только самоотверженным трудом на пользу народа сможет он отблагодарить тех простых людей, которые изнывали от непосильного труда в тяжкой неволе. Схоластическая наука не иссушила его душу, сытая, праздная жизнь не манила его. Гус помнил о стонах многих и многих голодных, замученных непосильной эксплуатацией людей. Поездка за границу показала ему, что и в других странах простому народу живется не лучше, чем в родной Чехии, и его пытливый ум невольно задумывался над причинами царящей несправедливости, которая находилась в резком противоречии с заманчивыми евангельскими картинами.

А сколько неразрешимых вопросов ежедневно, ежечасно выдвигала жизнь! Какое место должен он занять в пе-

реживаемых родиной событиях? Между тем, положение чешских земель в последнем десятилетии XIV в. было очень тяжелым.

Крупные феодалы — паны и церковники, среди которых было немало иноземцев, — тяготились королевской властью и часто выступали против нее. Усилившись в предшествующие годы, они готовы были предать интересы страны для умножения своих богатств. В этом их поддерживал немецкий патрициат крупных городов. Лишь небольшое количество панов да земаны, противоречия которых с крупными феодалами все время обострялись, находились на стороне короля, которому сочувствовала и большая часть городского населения.

На чешском престоле в то время находился король Вацлав IV (1378—1419). Он был одновременно и императором Священной Римской империи. Король пытался продолжать политику укрепления государственной власти. В тогдашних условиях это была прогрессивная политика.

В 1393 г. против короля сложился союз архиепископа и крупнейших панов Чехии. Вацлав круто расправился с несколькими приближенными архиепископа, пытавшимися противиться его воле. Это подлило масла в огонь. Враги короля подняли вооруженный мятеж.

Действия мятежников направлял и тайно и явно его родной брат Сигизмунд, король Венгрии. Мятежных панов и попов поддерживали австрийский герцог и немецкие князья.

В 1394 г., когда Гус только начинал готовиться к сдаче магистерских экзаменов, король Вацлав был захвачен изменившими ему панами и вынужден пойти на большие уступки в ущерб интересам страны. Вскоре ему удалось освободиться, и борьба вспыхнула с новой силой.

Феодальные усобицы тяжело отражались на положении простого народа. Под копытами вражеских коней погибали крестьянские урожаи, пожары и убийства становились обычными в жизни крестьян. Вместе с тем увеличивается гнет феодальной эксплуатации.

Ослабление власти Вацлава использовали также и германские феодалы. В 1400 г. они объявили чешского короля лишенным императорской короны. В Чехию двинулись орды наемников, враждебных Вацлаву германских князей, предававших все огню и мечу. На сторону врага ста-

ли переходить мятежные чешские феодалы. Их объединенные силы летом 1401 г. осадили Прагу.

С самого начала своей деятельности Гус активно выступал на стороне короля Вацлава. Его выступления встречались сочувственно широкими слоями населения Праги. Небогатые пражские бюргеры слышали в его проповедях выражение собственных мыслей о необходимости борьбы с иноземным засильем.

Когда Прагу осаждали отряды немецких наемников, мятежных панов, когда со стен города был виден дым пожарищ, голос Гуса звучал призывом к борьбе. «Даже собака защищает подстилку, на которой лежит, и, если другая собака захочет ее прогнать, она не допустит, но вступит в борьбу,— обращался Гус к крестьянам и ремесленникам, которые вставали на защиту родины,— нас же немцы притесняют, а мы молчим». Предателей — панов и патрициев, переходивших на сторону врага,— Гус клеймил, говоря, что они «презреннее собак и змей». Уже в этих выступлениях слышен голос патриота, голос страстного борца за освобождение народа.

Верный сын народа, Гус поднимает свой голос в защиту чехов, против иноземного засилья. «Чехи в королевстве Чешском по праву, по закону божьему и по прирожденному чувству должны быть первыми в должностях, как французы в королевстве Французском и немцы в своих землях»,— призывал Гус.

В эти бурные годы Гус не только не прекращал, но особенно широко развернул свою работу в стенах университета. С 1396 г. он приступил к регулярному чтению самостоятельных лекций. В качестве книги, которую, по тогдашнему обыкновению, профессор должен был читать и разъяснять студентам, Гус избрал сочинения Виклефа.

Английский священник Джон Виклеф, магистр Оксфордского университета, уже лет тридцать назад выступил с взглядами, которые подрывали самые устои католического учения и церковной организации. Виклеф отвергал власть папы и считал его антихристом. Выражая интересы английских бюргеров, Виклеф отрицал право церковников владеть землей и другими богатствами. Он выступал против продажности католических попов и утверждал, что исправить их можно только в том случае, если церковь будет лишена своих богатств. Виклеф прямо при-

Иероним Пражский

зывал королей конфисковать огромные владения церкви. Его богословские взгляды расходились с католицизмом. Виклеф отрицал большую часть обрядов и призывал к крупным изменениям всей церковной организации и жизни. Все эти преобразования, по его мысли, должен был произвести король в союзе с крупными светскими феодалами.

Антицерковные взгляды Виклефа имели много общего с выступлениями Милича и Матвея из Янова. Его

учение быстро распространялось и уже скоро стало известно в Чехии. Взгляды Виклефа были осуждены церковью в Англии как еретические. Нужна была немалая смелость, чтобы положить сочинения английского «еретика» в основу своего преподавания.

Учение Виклефа было близко Гусу, так как оно во многом соответствовало его взглядам. Однако Гус не следовал рабски за каждой буквой его учения. В отдельных положениях он не соглашался с ним, дополнял его. Гус был хорошо знаком с произведениями Яна из Милича и Матвея из Янова, но предпочитал ссылаться на Виклефа, так как сочинения его чешских предшественников были запрещены и об этом знал каждый чешский поп. Что касается судьбы Виклефа, то об этом в Чехии ходили разнообразные и противоречивые слухи.

Кроме лекций, Гусу приходилось часто и подолгу заседать на бесконечных диспутах, экзаменах, присутствовать на заседаниях совета и т. д. Он добросовестно выполнял все свои обязанности и прославился тем, что всегда по первой просьбе оказывал помощь нуждающимся студентам и преподавателям. В эти годы он пользовался большим уважением студентов и магистров.

Среди учеников Гуса особенно выделялся своими способностями, страстностью, горячим патриотизмом и смелостью Иероним Пражский. Гус некоторое время жил вместе с ним, с готовностью предоставлял ему свой кошелек, не раз поддерживал его в университете.

Иероним Пражский был очень любознателен, начитан, много путешествовал. Он в совершенстве владел многими древними и новыми языками. Иероним стал магистром в нескольких университетах. Гус сам признавал со свойственной ему скромностью, что Иероним превосходит его в познаниях.

Где бы он ни находился, он выступает как смелый обличитель католической церкви. Никакие преследования не могли сломить его революционную натуру, ослабить его горячее сердце. Много раз был он на волосок от гибели и с трудом избегал цепких лап инквизиции.

Иероним был замечательным оратором. Его пламенное слово всегда находило доступ к сердцам простых людей. Да и внешность его была примечательна. Высокий, стройный человек, с густой черной бородой, порывистый и неуравновешенный,— таким знали его в Праге и во

многих других местах, куда бросала его беспокойная судьба. Иероним с гордостью называл себя учеником Гуса и преклонялся перед своим любимым учителем.

Хотя Гус был лишь несколькими годами старше Иеронима, но он отличался значительно большей зрелостью мысли, твердостью и постоянством характера. При внешнем сравнении этих людей пылкий и стремительный Иероним мог заслонить скромного и неторопливого Гуса, но при более глубоком знакомстве ярко выступали характерные черты Гуса. Несмотря на внешнюю мягкость и сдержанность Гуса в обращении с людьми, ему была свойственна железная последовательность в осуществлении того, что он считал долгом своей совести. Важные решения давались Гусу не всегда легко, иной раз он долго колебался, но, остановившись на каком-либо выводе, он уже ни на волос не отходил от своих убеждений и готов был бороться за них до конца. Оба они хорошо дополняли друг друга. Обоим были свойственны неподкупность, принципиальность, решимость принести, если понадобится, даже свою жизнь в жертву интересам народа.

Авторитет и слава Гуса растут из года в год. В 1401 г. он был избран деканом, а в 1402 г.— ректором того университета, который он окончил менее 10 лет назад.

Но академические почести его не привлекали, а чтение лекций ограниченному кругу слушателей не давало ему удовлетворения. Гус мечтал обратиться с горячими словами проповеди непосредственно к народу. В тогдашних условиях единственным путем для этого было принятие священнического сана. В 1401 г. Гус стал священником и через год начал свои проповеди в Вифлеемской часовне в Праге.

Используя свое положение проповедника, он обращается со смелыми призывами к широким слоям пражского населения. Его проповеди проникнуты патриотизмом. Гус подчеркивает в своих выступлениях, что чехи «должны быть во главе, а не в хвосте», что они должны сами руководить своей землей. Считая несправедливым, чтобы иноземцы господствовали над чехами, Гус провозглашает, что немецкое преобладание в чешской земле противно божескому закону. Но это не значит, что Гус огульно ненавидел все иноземное. Он неоднократно подчеркивал, что для него «хороший немец ближе плохого чеха».

В тесной и неразрывной связи с патриотическими выступлениями Гуса находятся и его обличения пороков попов и монахов. Трудно было забыть о том, что самые доходные церковные должности были заняты иноземцами. Верхушка духовенства всегда готова перейти на сторону врагов Чехии. Да и жизнь архиепископа, настоятелей монастырей, большинства попов и монахов находилась в кричащем противоречии с тем учением, которое они лицемерно проповедовали.

В начале своей деятельности Гус был еще весьма далек от полного разрыва с церковью, а его критика разврата и корыстолюбия церковников встречала не только сочувствие масс, но и некоторую поддержку феодальных верхов. Король и его окружение не прочь были пополнить опустевшую казну за счет конфискации части богатств, накопленных церковью. Разоблачения Гуса можно было при случае использовать как предлог для такой конфискации. Архиепископ же стремился укрепить свой авторитет, притворяясь последовательным ревнителем чистоты нравов духовенства.

Картины разврата и разложения католического духовенства Гус рисовал во всей их отвратительной неприглядности. Тогдашняя действительность давала достаточно материала для таких разоблачений. Когда, например, в 1379 г. архиепископ приказал произвести «генеральную инспекцию» пражского духовенства, было выявлено зрелище самой необузданной и грязной распущенности попов и монахов. Из 39 приходских священников Праги 16 были уличены в явном разврате; один из попов растлил даже свою собственную незаконную дочь. «Достойный» пастырь из церкви св. Лингардта, Прокоп, обвиненный в распутстве, пытался оправдаться указанием на еще большую распущенность попа Матвея из соседнего прихода: если он сам, действительно, грешен в том, что посещал неоднократно публичные дома, то Матвей устроил у себя на дому настоящий вертеп, содержит публичных женщин и получает с них плату за покровительство. Третий священнослужитель, Варфоломей, оправдывался тем, что имеет всего одну любовницу, да и то замужнюю женщину. Поп из церкви святого Яна был изобличен в том, что, проиграв однажды в кости свое платье, отправился на другой конец Праги в дом своей сожительницы буквально в чем мать родила. Петр из церкви Святого

Вифлеемская часовня

Андрея укрывал воров и играл с ними в кости. Прихожане не могли вспомнить, когда видели своего пастыря трезвым. Поп Богунек устраивал погромы в кабаках и содержал у себя в доме публичных женщин, но, по словам своих прихожан, он являлся лучшим из всех бывших до того времени священников.

Другая проверка, произведенная в начале XV в., вызвала у самих инспекторов следующее признание: «Свя-

щенники, стоящие во главе приходских храмов, открыто содержат наложниц и вообще ведут себя настолько невоздержанно и неблагопристойно, что производят этим великий соблазн среди паствы». Если так говорили католические попы, которые, несомненно, стремились смягчить и затушевать наиболее резкие краски, можно представить, что позволяли себе попы, или, как они себя именовали, пастыри стада Христова. Гус свидетельствует, что в Тынской церкви богородицы поп среди белого дня был пойман на месте преступления в алтаре, куда он привел какую-то женщину, так что пришлось заново освящать храм. Епископы, указывал Гус, стремятся не пресечь распущенность духовенства, а смотрят лишь, как бы извлечь еще и из нее новые доходы. Так, они взимают с попов особую плату за незаконных детей.

Не довольствуясь разоблачением неприглядной жизни духовенства, Гус показывал и эксплуататорскую сущность попов и монахов, их ни перед чем не останавливающееся корыстолюбие. «Даже последний грошик, который прячет бедная старуха, и тот умеет вытянуть недостойный священнослужитель,— говорит Гус,— если не за исповедь, то за обедню, если не за обедню, то за священные реликвии, если не за реликвии, то за отпущение грехов, если не за отпущение, то за молитвы, а если не за молитвы, то за погребение. Как же не сказать после этого, что он хитрее и злее вора?»

Гус жестоко бичует продажность церковных должностей и взяточничество духовенства. Все церковные должности, писал Гус, продаются и покупаются. «Мало есть священников, которые бы не купили свое место и не собирали бы с верующих податей». Гус показывает, каким образом духовенство получало доходные должности: «Вот одного ставят попом за деньги, не зная, что и каков он есть; вот другого назначает король или пан, а между тем он не способен; иного желает епископ или священники вследствие полученных подарков, но не потому, что таково его образование или истинное призвание». Многие попы и епископы малограмотны, утверждает Гус, и не способны даже пасти свиней.

Ян Гус гневно разоблачал и лицемерие духовенства, превращенное в одно из орудий вымогательства. «В чешской земле монахи держат пиво старое и молодое, крепкое и слабое. Когда люди светские и незнакомые

Ян Гус

прийдут, то дают им слабого, чтобы простаки думали, что они всегда то пиво пьют, а также чтобы меньше выпили. Если же о ком полагают, что захочет быть у них похороненным после кончины, или имеют надежду получить подарок, тогда ставят на стол доброе, крепкое пиво и устраивают пир, где один напиток притягивает к себе другой».

Гус показывает, что роскошь католического духовенства превосходит роскошь королей, придворных и панов. Действительно, многие светские феодалы с завистью

смотрели на богатства церкви и в глубине души мечтали поправить свои дела за счет церковных имуществ. Хотя в личности Гуса нашли свое воплощение лучшие революционные устремления чешского народа, но с наибольшей полнотой взгляды его выражали интересы бюргерства. Требования бюргеров выражались и до Гуса. Но никто из его предшественников не поднимался столь смело против всего здания католической церкви. С ненавистью относились к разжиревшим церковникам и разорившиеся мелкие земаны. Но особенно горячими приверженцами были простые люди — пражская беднота и те крестьяне, которым удавалось побывать в столице. Возвращаясь в свои деревни, они разносили по всей Чехии славу о замечательном проповеднике, который ярко и убедительно показывал, что представляют собой в действительности «служители божьи». Постоянные пиры и беспробудное пьянство, говорил Гус, заполняют бо́льшую часть их времени. Многие попы даже не исполняют своих священнических обязанностей, да и мудрено это было бы, так как они одновременно соединяют по нескольку приходов в разных частях страны. Например, Микулш Пухник из Черниц, имевший уже два прихода в Праге и в Оломоуце, получил еще третий и тут же обменял его на два новых. Но для его жадности этого было недостаточно. Пронырливый поп сумел выклянчить у архиепископа еще один доходный приход в Моравии. Не удивительно, что в Чехии были служители божьи, которые в течение семи лет не производили ни одного богослужения.

Важным источником дохода для католической церкви являлись мошеннические проделки, основанные на самой бесстыдной эксплуатации религиозных чувств верующих. Почти в каждой католической церкви хранились «чудотворные святыни», прикоснуться или приложиться к которым можно было только за особую плату. Например, в церкви святого Витта в Праге хранились такие священные реликвии: пеленка Иисуса Христа; скатерть с тайной вечери; веревка, которой был связан Христос; губка, которая была подана распятому Христу; молоко богоматери; волосы Марии Магдалины; рука Лазаря и т. п. Если посчитать шипы от тернового венка Христа, которые показывали верующим, разумеется за плату, во всех церквах тогдашней Европы, то из них можно было бы создать целые заросли терновника.

Не довольствуясь старыми и прославленными святынями, предприимчивые попы не брезговали созданием новых. Например, в Литомышльском епископстве во времена Гуса окропляли облатку[1] кровью, которую выдавали за «чудесную кровь Христа».

С «кровью Христа» Гусу пришлось столкнуться ближе. В 1405 г. была назначена специальная комиссия, целью которой было установить факт нового «чуда». В одном из городов Германии, недалеко от чешской границы, некий предприимчивый монах отыскал три облатки, окропленные якобы священной кровью Христа. Слух о новой чудесной находке быстро распространился во все стороны. Измученные беспросветной нуждой, темные и суеверные люди со всех сторон потянулись к месту, где были найдены «священные» облатки. Немедленно стали происходить «чудеса»: какой-то рыцарь перед поединком обещал пожертвовать свое оружие «святой крови», если убьет противника. Противник был убит — и кроме «святой крови» желающим показывали за дополнительную оплату оружие, ставшее тоже «священным». Какой-то бывший разбойник утверждал, что бежал из заключения благодаря помощи «святой крови». Попы стали продавать за высокую плату пузырьки со «святой кровью».

Когда комиссия, членом которой был Гус, приехала на место «чудесного» происшествия, без труда удалось установить, что вместо крови верующим продавали смесь ржавчины со смолой. Были вскрыты и другие факты мерзкого надувательства и обмана. Выяснилось, например, что женщины, которых попы объявляли чудесно прозревшими, никогда не были слепыми, а юноша, который якобы вылечил больную ногу, на самом деле почувствовал ухудшение.

Разоблачение наглого мошенничества попов вызвало среди церковников немалое замешательство и переполох. Скандал был настолько велик, что по докладу Гуса и других членов комиссии пражский архиепископ вынужден был запретить верующим поклоняться новонайденной «святыне». Гус же написал специальное сочинение, в котором напоминал, что так как Христос вознесся весь на

---

[1] Облатка — специальный хлебец, который применяется католическими попами для причащения верующих.

небо, то на земле не может быть никаких частей его тела. Поэтому крайнюю плоть Христа в Риме и бороду его в Праге, которые показывали верующим, Гус объявил подложными.

Таким образом, еще не порывая окончательно с церковью, Гус разоблачал пороки духовенства и привлекал к ним внимание масс. Но постепенно Гус переходит от критики нравов духовенства к требованиям коренных преобразований во всем здании католической церкви.

Дверь дома Гуса в Праге

В каждом следующем выступлении Гус шаг за шагом расширял и углублял свою антицерковную пропаганду. Он начал требовать изменений во всем строе католической церкви, он подчеркивал, что духовенство должно подчиняться светской власти, отстаивал свободу проповеди, в том числе и свободу критики вопиющих церковных злоупотреблений. Так бюргерское в своей основе учение Гуса становится все более целеустремленным и революционным. Но так как церковь была важнейшей составной частью феодального общества и защищала весь эксплуататорский феодальный строй, такое решительное и последовательное выступление против церкви подрывало устои всего феодализма.

С каждой новой проповедью Гус все дальше отходил от того, что церковь считала возможным допустить в области обсуждения ее недостатков. Жалоба пражского духовенства на Гуса, поданная в 1408 г., обвиняла его в том, что он «своей бесчинной и оскорбительной проповедью

навлекает ненависть всего народа против духовных лиц». В этой жалобе указывалось, что Гус выступал против платы за исповедь, за крещение, за погребение и другие церковные обряды. Характерно, что в своем ответе Гус не отрицал правильности этих обвинений. Особенно бешеную ярость и страх вызывало в католических мракобесах то, что Гус осмелился неоднократно возвышать голос против земельных владений церкви, да еще выступал «перед большим скоплением народа».

В это время в университете шли снова горячие споры. По внешности можно было подумать, что речь идет о вопросах, не имеющих никакого отношения к жизни, но на самом деле здесь своеобразно отражалась острая политическая борьба, проходившая в стране. А события снова приобретали необыкновенно сложный характер. Сигизмунд, брат короля Вацлава, опять призванный на помощь мятежными панами, вступил на чешскую землю. Его полчища опустошали и разоряли страну. Король Вацлав был брошен в заточение, где находился полтора года. Только осенью 1403 г. Вацлаву удалось бежать и возвратить себе власть.

Тяжелое время переживал чешский народ. В стране свирепствовали грабительские шайки. Суеверный народ с ужасом смотрел на комету, появившуюся в это время на небе, и ожидал еще больших бедствий.

В такой тяжелый момент магистры-немцы, которые поддерживали Сигизмунда и папу, решили расправиться со своими противниками. С этой целью они поставили на университетском совете вопрос об осуждении основных положений учения Виклефа, которое все шире распространялось среди магистров-чехов. Гус и Иероним предприняли даже перевод некоторых сочинений Виклефа на чешский язык. Но как только Гус сложил свои ректорские полномочия (по тогдашнему обычаю, ректоры избирались каждое полугодие), учение Виклефа было официально осуждено университетом, несмотря на сопротивление чехов. Это лишний раз подтвердило, что господство в университете принадлежит иноземцам, и переполнило чашу терпения чешских магистров. В совете и во всех органах университетского управления немцы прочно завладели большинством мест. Они создали на всех факультетах атмосферу кумовства и взаимной поддержки и в то же время намеренно отодвигали в тень многих достойных

магистров из чехов. Гус и другие чехи болезненно ощущали свое неполноправное положение в университете. С чувством достоинства и законной гордости за родной чешский народ великий славянский патриот отмечал, что к этому времени образованные люди из чехов «размножились более иностранных учителей и возвысились над ними познаниями в науках».

В накаленной атмосфере Чехии начала XV в. внутриуниверситетский конфликт приобрел значение, выходящее далеко за пределы столкновения между чешскими и немецкими магистрами. Положение особенно усложнилось в связи с тем, что немецкие магистры в тяжелое для страны время поддержали врагов чешского государства — Сигизмунда и его сторонников.

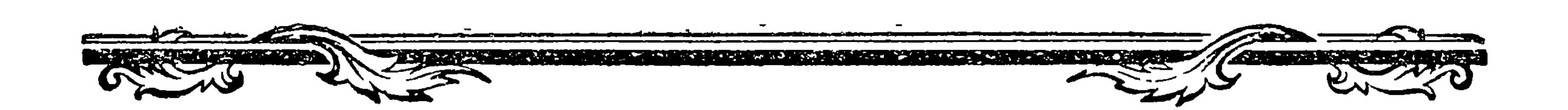
Борьба в университете была решена после того, как в дело вмешался народ. Ближайший друг и ученик Гуса магистр Иероним, пламенный народный трибун, человек неукротимой революционной энергии, перенес эту борьбу из тесных стен университета на улицу, в гущу народа. Иероним стремился разъяснить простым людям значение происходящего, клеймил позором магистров-предателей. Чтобы укрепить позицию своих сторонников, Иероним сумел развернуть проповедь даже в стенах королевского дворца.

Король Вацлав в это время находился в острой вражде с папой и архиепископами, а немецкие магистры поддерживали папу. Теперь Гус и его сторонники одержали победу. Когда немецкие магистры во время очередного конфликта короля с папой оказались на стороне противников короля, Вацлав, и прежде оказывавший иногда покровительство чехам внутри университета, издал знаменитый Кутногорский декрет (январь 1409 г.). Этот декрет положил конец преобладанию иноземцев в Пражском университете. Отныне чешские магистры получали в университетском совете и других органах три голоса против одного, который оставался у немцев.

Победа чехов внутри университета приобрела очень большое значение. Весть об этом быстро облетела страну. Везде она прозвучала как призыв к восстановлению прав чехов, попранных иноземцами. В Праге и в других городах многие немцы — члены городского управления были заменены чешскими бюргерами. Многие патриции-немцы были изгнаны.

Нелегко было сломить сопротивление черных сил. Сначала ерхиепископ отлучил от церкви сторонников Виклефа (большинство чешских магистров в той или иной степени разделяли взгляды Виклефа). Когда это не произвело никакого действия, архиепископ приказал прекратить всякое богослужение в Праге и ее окрестностях. Но это вызвало взрыв стихийного возмущения народа. Выслушав одну из проповедей Гуса, вооруженный народ двинулся к архиепископскому дворцу. Началась справедливая расправа с попами. Дома их были разгромлены. Попов били на улицах, бросали в них камнями, сбрасывали в реку. Некоторых попов, которых удалось застать у их любовниц, связывали вместе с последними и волокли по улице, а потом выставляли у позорных столбов. Архиепископ бежал из города. Вскоре и немецкие магистры покинули Прагу.

Так чешский народ одержал крупную победу в борьбе за свои права и достоинство. У всех на устах было имя человека, возглавившего борьбу против иноземного засилья. К Гусу пришла подлинная слава и всенародная любовь.

ГЛАВА IV

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ

Прошло около 20 лет с того времени, когда крестьянский парень с котомкой за плечами, где лежал калач, выпеченный материнскими руками, входил в столицу Чехии — Прагу. Кто теперь не знал его имени? Одни произносили его с уважением и любовью, другие — со злобой и ненавистью, третьи — с плохо скрытой завистью. На его проповеди стекалось такое множество народа, что в церковных стенах не всегда находилось место для всех желающих.

Связь Гуса с народом не исчерпывалась только проповедями — многие из его учеников, и среди них особенно Иероним, встали на путь, который был необычным для средневекового магистра. Прямо на улицах и на площади, в банях и цирюльнях собирали они вокруг себя толпы бедноты и подготовляли их к борьбе.

С еще более резкими обличениями выступали перед народом и другие проповедники, не имевшие ученых званий, из числа простых, необразованных людей. К числу таких народных проповедников принадлежал Николай, выступавший в Праге одновременно с Гусом. Николай был родом из Дрездена. Хотя он был по происхождению немцем, немцы-патриции в чешских городах были для него злейшими врагами, а в трудящихся чехах он видел своих братьев. В Праге Николай Дрезденский обличал богатых патрициев, развратных монахов и корыстолюбивых попов. Он подвергался преследованиям, но не прекращал борьбы. Николай требовал, чтобы имущество церкви было роздано беднякам. Он отстаивал полную свободу пропо-

веди для всех желающих. Николай распространял свои мысли не только в виде устных проповедей, но и писал богословские трактаты. Чтобы сделать свои взгляды и призывы доступными для масс, он прибегал к своеобразным способам. Например, он показывал народу две картины. На одной был показан изможденный Христос, едва прикрытый рубищем, едущий на осле. На другой — епископ в пышном облачении важно восседал на украшенном дорогой сбруей коне. На следующей паре картин были показаны нищие апостолы и жирные попы, участвующие в попойке.

С помощью соответствующих объяснений Николай Дрезденский пытался объяснить слушателям, какая разница существует между евангельской простотой церкви и жизнью развратного духовенства.

Николай сознательно выступал как защитник бедноты. Он призывал отменить смертную казнь и прекратить всякие преследования еретиков. Проповедь Николая Дрезденского и других борцов выражала коренные интересы народа, революционное сознание которого беспрерывно росло. Примечательно, что Николай, немец по происхождению, пользовался любовью и уважением чешской бедноты. Так уже в мрачные времена средневековья трудящиеся разных национальностей стояли в одном ряду в борьбе против своих классовых врагов.

Тесно связанный с народом, Гус ощущал рост революционных настроений низов, положение которых ухудшалось с каждым годом. Его антицерковные выступления становятся все более острыми и резкими. Так как церковь была в Чехии самым крупным феодалом, то выступления Гуса против церкви наносили сокрушительные удары феодальным порядкам в целом.

Гус не только разоблачал попов, но и требовал наказать нерадивых церковников. С одной стороны, он обращался к властям, призывая их лишить имущества и разогнать жадных и продажных попов и монахов. С другой стороны, он обращался и прямо к народу. По словам его врагов, Гус выступал перед множеством простых людей и призывал «препоясаться мечом» и встать на защиту справедливости.

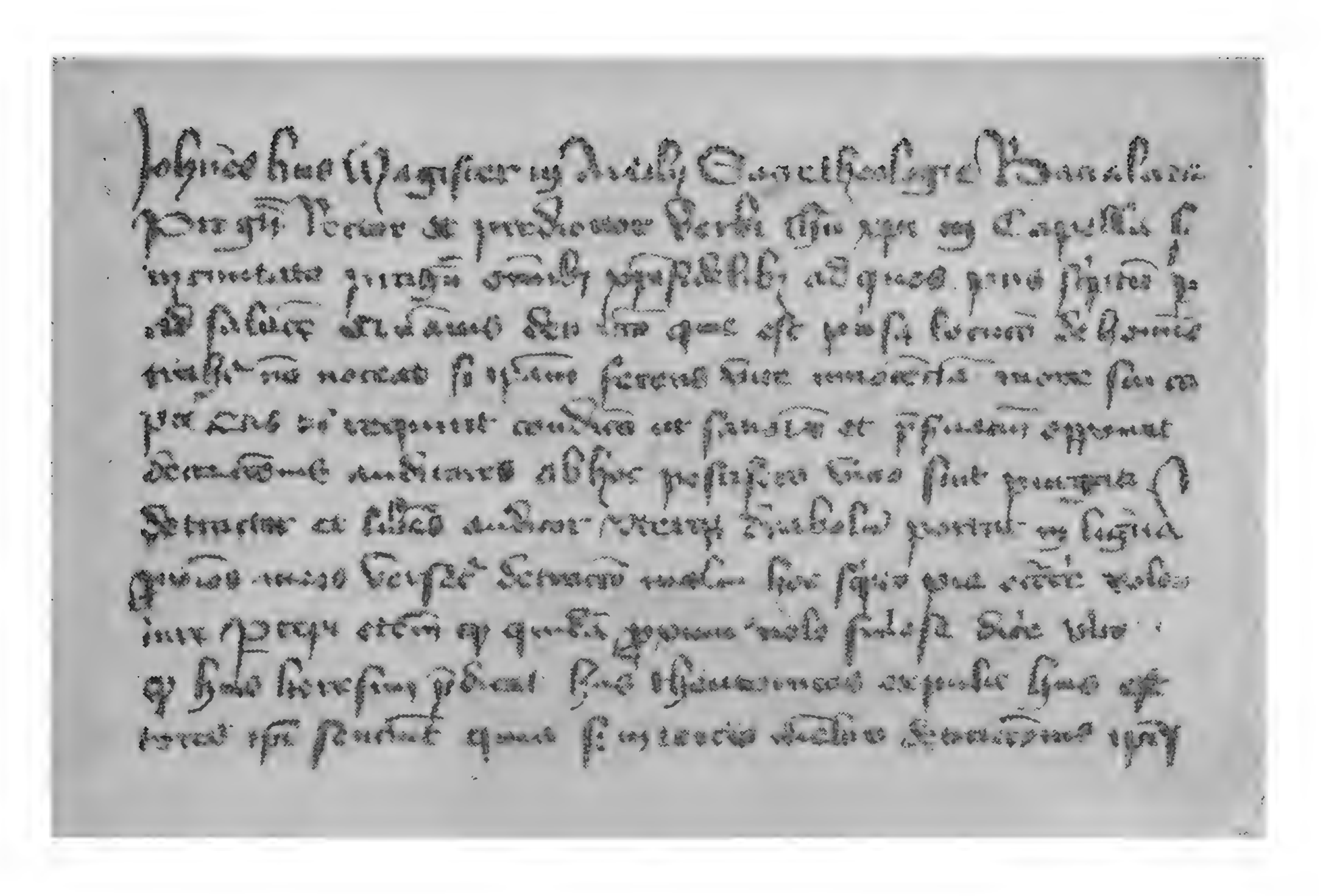
Если раньше Гус предлагал отобрать земельные владения лишь в качестве наказания распутных и разжиревших церковников, то теперь он прямо провозглашал, что

церкви не подобает иметь материальные богатства и стремиться к ним. «Отними у собак кость,— говорил Гус,— они перестанут грызться, отними имущество у церкви — не найдешь для нее попа». Только отобрав церковные земли, можно будет очистить ряды духовенства от жадных, распутных и невежественных попов.

Такие высказывания вызывали бешеную ненависть к смелому проповеднику в среде всего чешского католического духовенства. Но попы не осмеливались расправиться с Гусом: он был не только любим народом, но и пользовался поддержкой короля. В эти годы авторитет Гуса был очень велик. Он был исповедником самой королевы, имя его было широко известно за пределами Чехии. Осенью 1409 г. Гуса вторично избрали ректором университета. Не имея пока возможности обезоружить Гуса и принудить его молчать, враги его и завистники из числа церковников и магистров начали травлю и преследование некоторых учеников Гуса. Они стремились запугать народного проповедника и наглядно показать, какая участь грозит ему в случае упорства. Одновременно клеветой и всяческими низкими способами они стремились опорочить Гуса в глазах короля.

К этому времени относится новый конфликт в университете, связанный с Виклефом. Желая одним ударом выбить оружие из рук своих врагов, церковники перешли в наступление. Архиепископ Збынек приказал собрать книги закоренелого еретика и публично предать их сожжению. Под предлогом проверки всем имеющим сочинения Виклефа было приказано сдать их слугам архиепископа. Гус и другие магистры протестовали, но Збынек без всякого разбирательства приказал сжечь зловредные еретические писания. В июле 1410 г. на архиепископском дворе был сложен большой костер из книг. Сам архиепископ поджег его. Но так как пражанам было хорошо известно, что их пастырь отнюдь не блещет глубиной образованности (только став архиепископом, он научился читать), то через несколько дней весь город распевал издевательскую песенку о неграмотном архиепископе, который сжег книги, не зная даже толком, что в них написано.

Известие о сожжении книг вызвало взрыв такого сильного возмущения, что архиепископ вынужден был покинуть Прагу. В бессильной ярости он предал проклятию Гуса, в котором теперь видел своего главного врага. Но

Часть письма Гуса от октября 1409 г.

Гус пользовался такой любовью среди пражского населения, что в тех церквах, где попы провозглашали проклятия, народ избивал и изгонял их. Ободренный этим сочувствием, Гус выступает в защиту Виклефа. «Я не могу молчать,— говорил Гус,— и ради корки хлеба или из страха не отступлю от истины, которую буду защищать до смерти». По примеру Гуса его друзья также выступали в защиту Виклефа.

Разрыв между архиепископом и университетом был прекращен королем. Вацлав запретил дальнейшие споры о Виклефе и подтвердил запрещение его произведений. Вместе с тем король приказал архиепископу возместить владельцам сожженных книг их стоимость. Напомним читателю, что рукописные богато украшенные книги представляли в ту пору большую материальную ценность. Королевское вмешательство на время приостановило борьбу, но церковники никогда не простили Гусу тот страх и унижение, которые они пережили в эти летние дни 1410 г.

К этому времени многие университетские магистры отходят от Гуса. Их отпугивала возрастающая революционность выступлений Гуса. Еще больший страх внушала им та поддержка, которую Гус находил в народе. Они

были вполне удовлетворены тем, что после издания Кутногорского декрета руководство перешло в руки чешских магистров. Оторванные в большинстве своем от народа, они смотрели на него с враждебной подозрительностью. Они и не помышляли о том, чтобы улучшить положение широких масс. Всем своим авторитетом они утверждали незыблемость устоев феодального порядка. Некоторые вели против Гуса низкие интриги и превратились в его смертельных врагов.

Никакие козни и угрозы не могли заставить Гуса прекратить борьбу. Он усиливает свои нападки уже и на самого главу католической церкви, римского папу, которого он называл антихристом. «Поистине, братья, настало ныне время войны и меча»,— говорил Гус, указывая на необходимость насильственных мер против главы католической церкви.

Действительно, на рубеже XIV—XV вв. разложение католической церкви достигло уже, казалось, последнего предела. Еще около ста лет назад папский престол под нажимом французских королей был перенесен из Рима во Францию, в город Авиньон. Но римское духовенство извлекало громадные прибыли от пребывания папы в Риме. Поэтому здесь скоро избрали другого папу. Разложение католической церкви стало очевидным для всех, когда рядом с авиньонским папой появился второй папа в Риме. С 1378 г. во главе католической церкви стояло одновременно двое пап, которые взаимно проклинали друг друга. В Италии и в Германии, в Скандинавских странах, в Польше, в Чехии и в Венгрии признавали истинным папой римского, во Франции, в Испании и в Сицилии — авиньонского. Но чрезмерные вымогательства обоих пап, их скандальный образ жизни, взаимные разоблачения и проклятия открывали многим простым людям глаза на истинное положение вещей. Ввиду этого верхушка церковников решилась, наконец, прекратить раскол, вызывавший соблазн и недовольство среди верующих. Собравшийся с этой целью церковный собор низложил в 1409 г. обоих пап, и римского и авиньонского. Однако оба наместника святого Петра отказались подчиниться и стали осыпать проклятиями сместивших их кардиналов. Церковники избрали нового папу, который вскоре умер, и ходили слухи, что он был отравлен. Тогда на папский престол был избран Бальтазар Косса, принявший имя Иоанна XXIII. Относительно

нового папы утверждали, что он был в молодости морским разбойником. Иоанна обвиняли в отравлении его предшественника и в самых гнусных преступлениях и грязных пороках.

Избрание нового папы не прекратило раскола католической церкви. Прежние папы отказались подчиниться собору и стали осыпать проклятиями Иоанна XXIII. Хитростью и интригами он добился все-таки признания в большинстве государств Европы. Однако в некоторых странах по-прежнему считали главой церкви авиньонского или римского папу. Так над католической церковью воцарилась, как говорили в насмешку, «святая троица».

Каждому из пап необходимы были средства, и немалые. Никогда, пожалуй, католическая церковь не поднималась до таких вершин изобретательности в деле ограбления народов, как именно в этот период. Все церковные должности, начиная от сана кардинала и кончая местом любого приходского священника, продавались совершенно открыто. Каждый, кто получал какое бы то ни было место, должен был немедленно внести сумму, равную годовому доходу от его новой должности. Этот сбор давал папе огромный доход.

Не довольствуясь обычными поступлениями в пользу церкви и новым побором, папы постановили, что доходы с различных церковных должностей и с церковных приходов за все время, пока то или другое место не занято, должны поступать в папскую казну. Чтобы поднять свои доходы, папы иной раз по нескольку лет не замещали освободившиеся должности. Они цинично торговались с теми, кто хотел занять эти места. Получая доходы, папа нимало не заботился о том, что церковные обряды, святость которых он громогласно отстаивал, остаются долгие годы без выполнения. Кроме того, папа присвоил себе право получать наследства после всех духовных лиц: размер своей доли папы устанавливали по собственному произволу, сплошь и рядом лишая родственников умершего всего наследства. Наконец, духовные должности, точнее говоря связанные с ними имущества, отдавались в пользование мирянам, платившим за это особый сбор.

Никакие препятствия не могли остановить роста алчности церковников. Наперекор всем правилам и постановлениям по несколько церковных должностей соединялись в одних руках; другие вообще не замещались годами.

Доходы церкви росли, причем благочестивые отцы прибегали и к прямым мошенничествам. Например, Иоанн XXIII продавал одни и те же должности одновременно нескольким лицам. Однажды за большие деньги он сделал епископом пятилетнего мальчика. Кроме того, папы исправно собирали с верующих средства на крестовые походы и расходовали их на текущие нужды своих пышных дворов, на праздники и попойки.

Важным источником дохода были для католической церкви так называемые «юбилейные годы». Попы утверждали, что каждый, кто побывает в Риме в течение года, объявленного юбилейным, обязательно получит отпущение грехов. Сначала было провозглашено, что юбилейные годы будут устраиваться каждые 100 лет, потом их стали провозглашать через 50, наконец, через каждые 33 года. Пользуясь скоплением в Риме большого количества верующих, попы увеличивали платы за молебны, всякие обряды, взимали особые поборы с посетителей римских церквей, вводили специальные «юбилейные поборы». Широко разворачивалась торговля всякими «священными» реликвиями — мощами, иконами и т. п. Но три роскошных папских двора без остатка пожирали все огромные доходы. Остальное разворовывали кардиналы, родственники пап, многочисленные папские слуги, наложницы и прихлебатели. Поэтому изобретательность папских казначеев не имела границ. Они придумывали все новые и новые финансовые махинации.

Беззастенчиво спекулируя на религиозных чувствах задавленных нуждой и гнетом народных масс, монахи фабриковали и продавали всякого рода «священные» предметы. Благочестивым католикам предоставлялось за сходную цену приобретать не только всевозможные чудотворные мощи бесчисленных католических угодников и святых, но и такие священные реликвии, как солома, которую ел осел, на котором совершался въезд Иисуса в Иерусалим, пальцы «святого духа», голова Иоанна Крестителя и даже луч от вифлеемской звезды, указывавшей путь волхвам в ночь под рождество. За особую плату желающим продавались специальные грамоты, в силу которых купивший мог, не боясь ответственности, нарушать посты и обычные церковные запрещения.

Когда уже все средства были исчерпаны, католических попов, поглощенных поисками новых путей повышения

доходов церкви, осенило «небесное вдохновение»: они решили, что подвигами Христа, апостолов и святых создан особый неисчерпаемый фонд благодати, частицы которой, обладающие чудесной силой искупления грехов, могут быть уступлены желающим, разумеется за наличные деньги. Сначала папские грамоты — они назывались индульгенциями — давали отпущение за уже совершенные грехи, но скоро церковники дошли до такого бесстыдства, что стали продавать, конечно за повышенную плату, индульгенции вперед, по отношению к грехам, которые еще не совершились. Народные массы смотрели с усиливающимся возмущением и отвращением на циничную свистопляску католических церковников вокруг золотого тельца.

Богатые чешские земли были для папы особенно важным источником дохода. Все чаще собирали в Чехии «папскую десятину» — особый сбор с церковных владений, вся тяжесть которого ложилась на плечи крестьян и ремесленников. Все церковные должности в Чехии распределялись (точнее, распродавались) папой; ежегодно в Чехию тянулись стаи монахов, которые усиленно и небезуспешно торговали своими «святыми» товарами. Против вымогательств папских сборщиков, против циничной спекуляции на религиозных чувствах народа усиливает борьбу Ян Гус. Деятельность его вызывает теперь не только яростные нападки духовенства — «черная стая» готовит расправу.

Если прежде пытались стеснить и ограничить выступления Гуса перед народом, то теперь ему вообще запретили проповедовать. Все чаще церковники требуют отлучения еретика от церкви и угрожают ему казнью. Гусу было предложено явиться в Рим на суд. На приказание приехать в Рим он ответил отказом. В ответ на обвинение церковников великий борец обращался к массам. В проповедях он отказался от непонятной для его аудитории мертвой латыни и говорил по-чешски.

Весной 1412 г. в Прагу прибыл с очередной партией «святого» товара папский уполномоченный. Он разделил всю территорию чешского государства на ряд округов и в каждом из них сдал на откуп продажу папских индульгенций. С барабанным боем, с шумными ужимками ярмарочных зазывал мошенники-проходимцы, получившие право продавать вход в царство небесное, открыли самую беззастенчивую торговлю. Они не останавливались ни

перед чем, чтобы привлечь внимание благочестивых людей и сбыть им по сходной цене доступ к «райскому блаженству». В трех церквах Праги были выставлены и специальные сундуки для выручки. Торговля шла бойко.

Вызывающее поведение продавцов «святого» товара порождало возмущение среди верующих. Даже магистры Пражского университета в своем тесном кругу выражали недовольство. Но когда Гус со свойственной ему прямотой внес предложение запретить от имени университета кощунственную торговлю, его никто не поддержал. Тогда Гус и его ближайшие ученики обратились с призывом к широким массам. В соответствии с тогдашними обычаями Гус объявляет в университете специальный диспут об индульгенциях. Против обыкновения в залы университета явились на этот раз не только студенты, но и многие пражские ремесленники и бедняки. Гус и Иероним Пражский разгромили доводы своих противников. Но это означало, что брошен смелый вызов самому папе, а также архиепископу и королю, разрешившим продажу индульгенций в Чехии.

Великий борец за правду не побоялся заявить в присутствии многих свидетелей, что приказания папы обязательны для него лишь в той мере, в какой они соответствуют истине и справедливости. «Если же замечу в приказах римского первосвященника что-либо противоречащее,— воскликнул Гус,— то не послушаюсь, даже если поставите передо мной огонь, приготовленный для сожжения моего тела». Гус отлично понимал опасность своего положения в борьбе со всемогущим папством. Но глубокая убежденность в своей правоте и в необходимости борьбы придавали ему силу и смелость.

Имя Гуса пользовалось в эти годы большой известностью и за пределами Чехии. Он поддерживал переписку с польским королем и пытался склонить его на сторону церковных преобразований. В одном из писем к польскому королю он призывал его запретить продажу церковных должностей в Польше и наказать виновных. Враги Гуса обвиняли его перед папой в том, что не только в Польше, но и в Венгрии он выступает против «святого престола». Вполне понятно, что исход процесса против Гуса, тянувшегося в Риме уже долгое время, был предрешен.

Через несколько дней после диспута пражане стали свидетелями и участниками невиданного зрелища. Король

по обыкновению находился на охоте, и Иероним Пражский, пользуясь бездействием городских властей, организовал антипапскую демонстрацию. На простой телеге, окруженной шумной толпой студентов, проехал мимо архиепископского и королевского дворцов студент, переодетый публичной женщиной. Звеня колокольчиком, он издевательски предлагал присутствовавшим папские индульгенции, которые были затем сожжены у позорного столба. Участники демонстрации появлялись в церквах при продаже индульгенций и открыто называли продавцов обманщиками и мошенниками.

Когда известия о событиях в Праге дошли до короля Вацлава IV, он решил принять свои меры. Выступления против индульгенций были запрещены, и в то же время магистрам университета было приказано разобраться в происшедшем.

Враги и завистники Гуса в университете использовали королевский приказ для нападения на него. Эта весть возмутила народные массы. Еще более подлило масла в огонь известие, что ученые мужи приняли под свою защиту продажу отпущений.

Когда попы стали распространять индульгенции, сторонники Гуса выступили со смелыми разоблачениями попов-торгашей. Церковные власти ответили на это репрессиями. Было схвачено трое молодых пражан. Им угрожала казнь. Гус во главе большого количества студентов и простонародья отправился в ратушу и стал просить за арестованных. Гус говорил, что он один виновен в происшедшем и наказать надо его, а не заключенных. Напуганные появлением огромного множества народа, городские власти пообещали отпустить схваченных. Но едва Гус удалился, как трое юношей — среди них было два ремесленника и один студент — были обезглавлены.

Народ торжественно пронес тела казненных по городу. Их с почетом похоронили в Вифлеемской часовне. В течение нескольких дней пражане волновались. После некоторых колебаний Гус выступил с прославлением погибших юношей. «Если бы всю церковь наполнить золотом,— сказал Гус,— то и тогда я не отдал бы за него тела героев, смело вставших на борьбу за истину».

В эти тревожные дни Гус пишет ряд произведений на чешском языке, а также вопреки королевскому запрещению выступает в Пражском университете против индуль-

генций. Видя возросшую популярность Гуса, король не осмелился наказать нарушителей своего распоряжения. Гус же сказал своим противникам, что, если они докажут его заблуждения, он готов взойти на костер, если же он разобьет их доводы, то тогда им самим предстоит подвергнуться такой же участи. Магистры позорно струсили, предпочитая действовать интригами.

В это время из Рима прибыл приговор по делу Гуса: ему было объявлено, что если в течение нескольких дней он не откажется от своих антипапских выступлений, то будет отлучен от церкви.

В условиях средневековья это было наиболее страшное наказание, хуже которого могла быть только мучительная смертная казнь. Отлученный как бы изгонялся из общества: никто не должен был вступать с ним в общение, продавать ему пищу или одежду. В городе, где он жил, временно приостанавливалось богослужение. В каждое воскресенье во всех церквах выполнялся мрачный и изуверский обряд отлучения. Под заунывный колокольный звон провозглашалось страшное проклятие отлученному. При последних словах проклятия присутствовавшие в церкви гасили свечи и бросали камни по тому направлению, где жил отлучаемый. Даже после смерти жертвы ненависть церковников не была утолена: проклятого богом и людьми, отверженного еретика не разрешалось хоронить на кладбище.

Гус был искренне верующим человеком, все эти удручающие церемонии производили на него устрашающее воздействие. Но ничто не могло заставить его отступиться от своих убеждений. Он мужественно продолжал борьбу. В последнем публичном выступлении в Праге и в письмах, обращенных к разным лицам, Гус по-прежнему называет папу антихристом.

Однако нельзя было пренебрегать и тем, что король Вацлав «посоветовал» Гусу уехать из Праги. Король полагал, что Гус еще может пригодиться, и предоставил ему возможность на время скрыться от преследователей. Вообще отношение короля Вацлава к Гусу и его проповедям всегда было двойственным. Короля отпугивала смелость и последовательность Гуса. Идеи Гуса, с другой стороны, привлекали его возможностью наполнить отощавшую казну за счет церковных богатств. Поэтому, хотя он иногда и угрожал Гусу, он не выдал его на расправу.

Гус покинул столицу. Уезжая, он призывал своих слушателей и последователей, число которых все время росло, не сдаваться и не допускать, чтобы «слуги антихриста устрашили их своим неистовым тиранством». В обращении к пражанам Гус выражает свою неугасимую веру в окончательную победу истины и справедливости.

В последние годы перед изгнанием из Праги Гус усилил критику учения католической церкви. Снова и снова выступал он в своих проповедях и трактатах против церковных богатств и власти папы. Гус поднимает свой голос в защиту еретиков, преследовавшихся инквизицией и светскими властями. Он говорит, что те, которые посылали представителей народа на жестокую казнь и мучения, сами часто были во много раз большими еретиками, чем их жертвы.

Особенно важно созданное Гусом в эти годы учение об условном повиновении духовным и светским властям. Гус утверждал, что, если духовные и светские феодалы приказывают что-либо, противоречащее священному писанию и истинам веры, подданный не обязан выполнять такое повеление. Даже бедному, забитому крестьянину в дальнем углу Чехии учение Гуса напоминало не о покорности власть имущим, как об этом твердили во всех церквах попы, а о том, что он должен задумываться, соответствуют ли приказания его господина «священному писанию». Господство церкви во всей духовной жизни приводило в средние века к тому, что даже классовые интересы осознавались в форме религиозных учений.

Величие учения Гуса состояло в том, что оно ставило под сомнение незыблемость и вечность феодальных порядков, основанных на безусловном повиновении крепостных. Так в учении Гуса эксплуатируемые классы получали идеологическое оружие в борьбе против произвола и угнетения феодалов.

Если прежде выступления Гуса были направлены в основном против разложившегося духовенства, то теперь в его произведениях звучат все чаще иные нотки. Гус утверждал, что крестьянин, по человеческому и божескому закону, имеет неоспоримое и неограниченное право использовать по желанию и передавать по усмотрению имущество, накопленное его тяжелым трудом. Гус выступал против так называемых посмертных поборов, практиковавшихся феодалами, которые требовали у крестьян

значительной и всегда лучшей части унаследованного имущества.

В произведениях и речах Гуса звучало сочувствие к трудящимся и эксплуатируемым, из которых состояли его слушатели. Гус говорил о том, что короли, паны и земаны, попы, епископы и монахи несправедливо обирают нищую бедноту и «пасут свое брюхо в роскоши», высасывая кровь и пот из простого народа. Опорой общества Гус называл крестьян, труд которых содержит все остальные сословия. Гус подчеркивал, что и во время войны крестьяне несут основную тяжесть, защищая в трудные дни всю страну. Гус требовал улучшения их положения.

Однако он все же был далек от последовательного и полного отрицания всех феодальных порядков. В этом сказалась классовая ограниченность Гуса. Хотя Гус выражал интересы народных масс, он был скован ограниченностью, свойственной всему чешскому бюргерству. Учение его наполнялось все более революционным содержанием, близким чаяниям бедноты, но он не мог разорвать с бюргерством, и пути их еще не разошлись. Да и время было такое, что даже и те народные вожаки, которые шли по отдельным вопросам дальше Гуса, не имели ясного и четкого понимания пути уничтожения эксплуатации и классового неравенства. Гус был одним из самых передовых людей XV в., но и он не мог выйти за рамки условий своего времени.

Защищая интересы бедняков, Гус бичует и богатых купцов. Он подчеркивает, что их доходы, как и доходы ростовщиков, нажиты неправедным, незаконным путем. Чрезвычайно смело для того времени звучало требование Гуса об уравнении в правах мужчин и женщин. Он проповедовал, что отношения между супругами должны быть основаны на равноправии и взаимном уважении. Гус подчеркивал ответственность родителей за воспитание детей. Проповеди Гуса встречали горячий прием в сердцах его слушательниц.

Желая сделать свое учение и проповеди как можно более доступными для самых широких масс слушателей и читателей, Гус много трудился над обработкой своих выступлений и произведений. Он умело пользуется ярким, сочным, метким народным языком, широко привлекает поговорки, доступные простым слушателям сравнения и примеры.

Большой труд выполнил Гус, исправляя существовавшие в то время чешские переводы библии. Перевод библии на понятный народу язык лишал феодалов важного преимущества. Попы и монахи ревниво оберегали свое исключительное право проповедовать и истолковывать массам «священное писание». Они использовали это для обоснования «законности, вечности и незыблемости» эксплуатации.

Народные массы, получая в свои руки библию на родном языке, делали из ее текстов свои выводы. Им казалось, что в смутных образах библейских легенд вырисовываются светлые очертания общества, не знающего неравенства и эксплуатации, а отдельные выражения «священного писания» звучали для них призывами к справедливой борьбе против угнетателей.

Используя тексты «священного писания», руководители низов обосновывали свою борьбу и требования ссылками на авторитет, считавшийся в те времена непререкаемым. Ведь читатель помнит, что в ту далекую эпоху влияние религии было огромно. Библейские образы были у всех в памяти, выражения «священных книг» были у всех на устах.

В своих произведениях и при редактировании библейского перевода Гус пользовался оформлявшейся в ту пору литературной общечешской речью и сам посильно способствовал ее выработке. Гус упорядочил тогдашнюю орфографию и создал чешское правописание, основные правила которого сохранились почти без изменения до настоящего времени.

Одновременно со всей этой разносторонней деятельностью Ян Гус уделял самое живое внимание и тогдашним политическим событиям. Гус горячо ратовал за объединение и дружбу славянских народов. Еще до Грюнвальдского сражения (1410 г.), где объединенными силами поляков, литовцев, украинцев, белорусов, русских и чехов был нанесен сокрушительный удар немецкому ордену, Гус завязал отношения с польским королем Владиславом. Надо отметить, что чешские паны выступали в большинстве на стороне ордена, но народные массы горячо сочувствовали делу общеславянской борьбы против хищного агрессора. Получив после Грюнвальдского сражения специальное письмо из Польши, Гус в ответном послании польскому королю Владиславу приветствует победу и

показывает справедливость борьбы славян против поработителей.

О неослабном внимании Гуса и его сторонников к братским славянским народам свидетельствует также поездка его ближайшего друга и соратника Иеронима Пражского в Польшу и Литву. Враги Гуса думали, что изгнание народного проповедника даст им полную победу. Но они не учитывали того, что зерно, брошенное Гусом, попало на добрую почву. Многие из простых пражских ремесленников или поденщиков принимали близко к сердцу судьбу Гуса и готовы были бороться за победу его дела. Народ имел и своих вожаков. Одним из них был Иероним Пражский. Поистине этот человек был рожден для революционной борьбы. Куда только не бросала его судьба за последние 10 лет! Мы находим его то в туманной Англии, в старинном Оксфордском университете, то на пыльных дорогах выжженной солнцем Палестины. В дальнейшем застаем его в университетских центрах тогдашней Европы. И везде Иероним горячо и смело подвергает критике церковные порядки и религиозные догмы. Везде он вызывает бешеную ненависть церковников; но настолько велики познания этого талантливейшего человека, что и в Париже, и в Гейдельберге, и в Кельне ему присуждают звание магистра.

Самой характерной чертой Иеронима была его постоянная близость к народу. И в Праге, и в Буде, и в Вене, куда ни забрасывает его беспокойная судьба, враги с ненавистью и страхом обвиняют его в том, что он становится участником и вдохновителем народной борьбы. Не мудрено, что после изгнания Гуса Иероним и не думал сдаваться. Отважно вступает он в борьбу с главным врагом — католической церковью, действует вместе с народом и сам подает пример заслуженной расправы с обманщиками. Известен случай, когда он публично дал пощечину мошеннику-попу, торговавшему мощами. В другой раз он средь бела дня ворвался вместе с несколькими ремесленниками в один из пражских монастырей и потребовал прекращения показа священных реликвий. Когда монахи не подчинились, их с позором выгнали на улицу и народ со свистом и улюлюканием погнал их пинками по всему городу.

Выражая истинное отношение народа к католическим святыням, Иероним объявляет поклонение иконам идолопоклонством. А вспомним, какие доходы извлекала цер-

ковь из простых икон, не говоря уже о «чудотворных»! Один из его учеников публично измазал распятие навозом.

Таким образом, после изгнания Гуса в Праге кипела ожесточенная борьба. В конце концов положение Иеронима стало настолько опасным, что он направился в Краков. Иероним стал проповедовать беднякам, но вскоре и здесь щупальца инквизиции готовы были его схватить, поэтому он принял приглашение Литовского князя Витовта.

Кроме Польши и Литвы Иероним посетил Псков. Он носил русский костюм, бывал в русских церквах. И в Литве и на Руси Иероним выступал с проповедями перед простым народом. Эта поездка явилась выражением существовавших с давних времен исконных дружественных связей чехов с восточными соседями и, в частности, с русским, украинским и белорусским народами.

Вынужденный покинуть Прагу, Гус возвращается в родные места, в южную Чехию. С горечью видел Гус, что жизнь простых людей за эти годы не только не улучшилась, но ухудшилась. Все та же непосильная работа, все та же беспросветная нужда, все те же издевательства и произвол феодалов. Феодальные поборы неуклонно росли, на территории южной Чехии происходили беспрерывные военные столкновения. В 1410 г. начался невиданный голод, который сопровождался опустошительными эпидемиями.

Не легко было оглянуться и на пройденный путь. Как хотелось Гусу облегчить страдания народа, как много было у него надежд, а вот теперь он, еще недавно знаменитый проповедник и магистр, близкий ко двору человек, возвращается в родные места, как прокаженный. Тот, кто протянет ему руку, заговорит с ним или окажет какую-либо помощь, сам подлежит страшному проклятию.

Сочувствие народа окружало Гуса на юге и давало ему силы для продолжения великой борьбы. По преданию, он прежде всего вернулся в родной Гусинец, но вскоре поселился в Козьем замке, расположенном недалеко от его родины. В этот период он окончательно разрывает с католической церковью, бесповоротно сливает свою судьбу с судьбой народа и в его поддержке черпает мужество и решимость идти до конца.

Много и часто выступал Гус в это время перед простым людом. Массами сходились крестьяне из окрестных сел

послушать своего земляка, ставшего знаменитым борцом. Жадно ловили слушатели его слова, и они находили горячий отклик в их сердцах. «Прежде я проповедовал в городах,— писал Гус,— а теперь выступаю около изгородей, на дорогах и проселках».

Находясь в изгнании, Гус не теряет связи и с Прагой. Вопреки запрету он приезжает в самом конце 1412 г. в столицу и проводит здесь несколько месяцев.

В дни изгнания Гус завершает большое по размерам, важное сочинение «О церкви». Следует еще раз напомнить читателю, что церковь господствовала во всех областях жизни, а религия подчиняла и сковывала всю умственную деятельность. Но если по форме трактат Гуса не выходил, казалось, за рамки богословия, то по существу он является выражением полного разрыва Гуса с католическим учением. В этом произведении Гус подводит итоги своей борьбы и своих смелых мыслей. Он отрицает особое положение папы и необходимость папской власти, критикует всю организацию католической церкви и выдвигает положение о том, что искренняя вера важнее формального выполнения церковных обрядов. В частности, Гус отвергает католическое учение о том, будто во время причащения хлеб превращается в «тело Христово». В одном из посланий Гус насмехается над католическими попами. «Пусть,— писал Гус,— поп возьмет на помощь своих товарищей, и пусть все вместе сотворят хотя бы только одну гниду». Так Гус со свойственным ему народным юмором срывал ореол святости с самых священных обрядов христианства. Гус резко обрушивается на папу и его кардиналов. Он считает, что даже тот, кто выполняет их несправедливые приказания, совершает смертельный грех. Это учение грозило опрокинуть всю практику католической церкви и наносило большой удар по феодализму вообще. Оно делало ненужным значительную часть церковных обрядов. А за исполнение этих обрядов католическое духовенство взимало грабительские поборы с верующих.

Упорная и последовательная борьба Гуса близилась к своему трагическому концу. Если вначале он протестовал только против распущенности и злоупотреблений католического духовенства, то теперь отважный борец и мыслитель потрясал основы ее власти и могущества.

Но так как католическая церковь являлась органической, составной частью эксплуататорской машины и освя-

щала ее своим авторитетом, это означало, что его выступление приобрело революционный, антифеодальный характер. Поскольку отлучение на него не подействовало, его решили вызвать на суд всех церковников. Перед Гусом встала необходимость принять решение. Предстоял путь в стан врагов. Гус отлично сознавал опасность, но он принял решение ехать и не отступил от него.

ГЛАВА V

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

В октябре 1414 г. Ян Гус готовился в далекий путь. Вот они, последние часы на родной земле. Прощай, золотая Прага, город, где прошли лучшие годы жизни, где созрели самые заветные мечты, где пришлось узнать радость побед и горесть неудач. Как незаметно пролетело время, и вот уже готова дорожная карета.

Последний раз проезжает Гус по знаменитому мосту через голубую Влтаву, в последний раз слышит он прощальные возгласы и рыдания своих верных слушателей... И вот уже исчезают на горизонте остроконечные крыши пражских домов, стройные купола церквей.

В последний раз катится неуклюжая повозка по ровной, наезженной дороге к городу Бероун и далее, к Пльзеню и границе. Это было не путешествие в поисках наживы, отдыха или новых впечатлений. Отправляясь в путь, он считал, что выполняет свой долг, завершает дело всей жизни. Гус знал, что на карту поставлено все, и, отправляясь, он не имел уверенности, что вернется когда-либо назад.

Что же вело Гуса в далекий город Констанц, лежащий на берегу прекрасного Боденского озера?

Уже за несколько лет до того дня, как Гус отправлялся в свой путь, среди самих церковников все настоятельнее раздавались голоса, требовавшие прекращения раскола католической церкви и устранения наиболее вопиющих злоупотреблений духовенства. Сами епископы, попы и монахи чувствовали, что авторитет и власть церкви, ее

Констанц

бесчисленные богатства поставлены под угрозу. Уже во многих странах Европы разнузданная жадность и грязный разврат духовенства переполняли чашу народного терпения. Наиболее предусмотрительные среди церковников выдвигают мысль о необходимости подремонтировать обветшавшее здание церкви, для того чтобы она могла и в дальнейшем удерживать угнетенные массы в повиновении. Для этой цели попы решили прибегнуть к испытанному средству — созыву общеевропейского собора, то есть собрания представителей духовенства всех стран. Местом работы собора был избран город Констанц (в настоящее время Констанц находится на территории Швейцарии, а в XV в. он входил в состав Германской империи).

Со всех концов Европы в Констанц потянулись послы от королей и князей, епископы, настоятели монастырей и магистры. В совещаниях собора участвовали (впрочем, не всегда одновременно) 3 патриарха, 29 кардиналов, 33 архиепископа, около 150 епископов, более 100 настоятелей монастырей и около 300 простых попов и богословов. На соборе присутствовали император, посланцы 10 королей,

князья, графы, бароны, каждый из которых вез за собой огромную свиту.

В Констанц потянулись толпы всевозможных авантюристов, музыкантов, фокусников, бродяг, нищих, проституток. «Отцы собора» соперничали между собой в роскоши и разврате.

Перед собором, открывшимся в ноябре 1414 г., были поставлены три главные задачи: «дело веры» — защита католического учения от ересей; «дело единства» — восстановление единства католической церкви и прекращение раскола; «дело реформы» — вопрос о некоторых преобразованиях церковных порядков. На собор явились император Сигизмунд и папа Иоанн XXIII. Папа не хотел обсуждения вопроса о каких-либо преобразованиях; в то же время он справедливо опасался, что для прекращения раскола церковники могут его низложить и избрать нового папу. Поэтому Иоанн прилагал все усилия к тому, чтобы отсрочить два последних вопроса, и стремился выдвинуть на первое место «дело веры».

Наиболее опасной ересью для церкви была «ересь Гуса». Собор, подстрекаемый папой, занялся прежде всего разбором обвинений, выставленных против Яна Гуса. Еще задолго до открытия собора Гус получил приказание явиться в Констанц. Император обещал дать ему охранную грамоту, обеспечивавшую его личную безопасность и гарантировавшую ему возвращение на родину. Гус решил ехать на собор. Перед всем миром он хотел защищать истинность своего учения, разоблачить подлинную сущность разложившегося католического духовенства. Хотя Гус сомневался в том, удастся ли его словам способствовать исправлению церкви, он все же считал своим долгом повторить свои обличения перед лицом представителей всей католической Европы.

Уезжая на собор, Гус знал, что в Чехии остается много верных его последователей. В то же время он понимал, что лично ему угрожает серьезная опасность. Поэтому, покидая Чехию, он составил завещание, а в специальном послании к своим сторонникам призывал их быть твердыми и последовательными защитниками своих убеждений. «Правда все победит»,— не уставал повторять великий борец.

Путь Гуса в Констанц был для него триумфальным шествием. Во всех городах Германии, через которые ему

приходилось проезжать, толпы народа стекались, чтобы послушать знаменитого обвинителя католического духовенства или хотя бы поглядеть на него издали. Народные массы не верили клеветническим слухам о Гусе и его учении, которые специально распространяли папские приспешники. Немецкие трудящиеся, так же как и народные массы Чехии, видели в Гусе смелого борца против папы и феодалов. Социальное содержание его учения было близко немецким ремесленникам и крестьянам.

Когда Гус въезжал в город Констанц, навстречу ему вышла большая толпа народа (3 ноября 1414 г.). Однако эта демонстрация сочувствия народных низов вызвала бешеное озлобление присутствовавших в Констанце врагов Гуса.

Особенно усердствовал магистр богословия Пражского университета Штепан Палеч и пражский поп Михаил, известный казнокрад и распутник. Они специально приехали в Констанц, распускали клеветнические слухи, интриговали и стремились настроить членов собора против Гуса. Они требовали от собора немедленной расправы с Гусом. Им не приходилось особенно много стараться — церковники хорошо знали Гуса и понимали, какую опасность для них представляют его проповеди и сочинения. Но все же собор не осмелился сразу же заключить Гуса в темницу. Была разыграна гнусная, лицемерная комедия. Гусу была торжественно вручена охранная грамота с печатью императора Сигизмунда, а папа Иоанн XXIII снял с него церковное отлучение и даже пообещал Гусу свое покровительство. Но не добрыми намерениями и не запоздалым раскаянием папы объясняется это — Иоанн XXIII стремился затянуть как можно дольше дело Гуса и задержать внимание собора на борьбе с ересями.

В Констанце Гус был оторван от родного чешского народа, неразрывное единение с которым составляло его главную силу. Поэтому непристойный спектакль продолжался недолго. Через несколько дней после приезда Гусу было запрещено отправлять богослужение, а местным жителям — слушать его проповеди.

28 ноября 1414 г., на двадцать пятый день пребывания в Констанце, враги Гуса распространили клеветнический слух, будто бы он задержан при попытке к бегству. На этом основании они стали требовать от собора его ареста. Гус был доставлен в помещение, где находились папа и

кардиналы. Его пытались спровоцировать сложными и запутанными богословскими вопросами. Но Гус был начеку, и его краткие ответы не давали пищи для обвинения. Тогда верхушка католических церковников приказала арестовать его без всякого повода. Несколько дней он содержался в доме одного из попов. Затем Гуса заковали в тяжелые железные цепи и бросили в подвальную тюрьму при одном из констанцских монастырей.

Исключительно тяжелые условия заключения — темная, сырая и смрадная камера Гуса находилась глубоко в подземелье, рядом со сточной трубой — не сломили его непреклонной веры в правоту и окончательное торжество своего дела. В ответ на требования собора о безусловном отречении от еретических заблуждений Гус настаивал на необходимости подробно рассмотреть его взгляды по существу. На соборе загорелась борьба по вопросу о том, как поступить с Гусом. Наряду с католическими изуверами, требовавшими немедленной расправы, даже среди членов собора нашлись люди, не боявшиеся говорить о своем сочувствии Гусу. Император, который своими лживыми обещаниями заманил Гуса в ловушку, не произнес ни слова в его защиту, а вскоре стал требовать осуждения опасного еретика.

Собор, напуганный прокатившейся по Чехии волной протеста по поводу ареста Гуса, боялся немедленно приступить к расправе с ним. Католические инквизиторы считали, что выгоднее заставить Гуса отречься от его учения, так как этим будет внесен раскол не только в борьбу чехов, но и в общеевропейскую борьбу против феодально-католической реакции. В это время во всей Европе назревала волна народных выступлений. Второе десятилетие XV в. ознаменовалось резким обострением классовой борьбы в Англии и во Франции; по условиям времени, эта борьба была тесно связана с антицерковными выступлениями. Народные массы западноевропейских стран воодушевлялись иногда идеями, весьма близкими к взглядам Гуса. Особенно опасный характер для феодалов приобрело восстание городских низов Парижа.

«Отцы собора» переводили Гуса из тюрьмы в тюрьму, а сами стали разбирать другие вопросы. Многие высшие церковники стремились низложить папу Иоанна и выдвинуть на папский престол более приемлемого кандидата. Каждый из кардиналов мечтал, что он сам окажется гла-

Гус в тюрьме доминиканского монастыря в Констанце

вой католической церкви. На соборе плелись сложные, коварные интриги, кипела ожесточенная борьба вокруг распределения доходных мест, которые должны были освободиться в связи со сменой папы. Благодаря этому внимание к Гусу временно ослабело. Условия заключения стали легче. Он получил возможность писать и использовал ее, создав ряд небольших произведений. Кроме того, он отправил множество писем своим друзьям. Гус не был сломлен. Он находил даже силу шутить над своим положением: «Гусь еще не изжарен»,— писал он в одном из посланий в Чехию. Его приходили навещать издалека, из городов Чехии, из Польши. В свою очередь Гус проявлял трогательную заботу о друзьях и единомышленниках. В письмах он просил не допускать, чтобы Иероним и другие приехали в Констанц, где их ожидала гибель.

Что касается собора, то там дела шли своим чередом. Гнусная грызня церковников продолжалась. Ее стремились, конечно, прикрыть высокими с точки зрения церковников соображениями и пышными фразами. Прежде всего, утверждали враги Иоанна XXIII, нужно заняться прекращением «великого раскола», который слишком явно обнажал гниение католической церкви перед всем миром. Пока Гус находился в заточении, собор низложил Иоанна XXIII. Ловкий и пронырливый папа, имевший в моло-

дости опыт разбойных дел, решил тряхнуть стариной. Он бежал из Констанца и стал собирать отряды своих сторонников (весна 1415 г.). Но вскоре бывший папа был схвачен и торжественно лишен сана.

Низложение и бегство папы привели к тому, что сторожа Гуса разошлись, кто куда. Он остался в тюрьме, но без пропитания и присмотра. Друзья надеялись, что император выполнит свои обязательства и освободит узника. Лицемерный и коварный Сигизмунд вместо этого передал Гуса в руки епископа Констанцского.

Если до сих пор Гус имел возможность писать и не страдал, во всяком случае, от голода и жажды, теперь он был переведен в страшную темницу замка Готлибен. Камера его имела неполных четыре шага в длину и менее двух шагов в ширину. Единственная мебель состояла из двух неотесанных бревен, к которым Гус был привязан днем за ноги, а ночью и за руки. Грубые и жестокие сторожа швыряли ему жалкую и недостаточную пищу через узкое отверстие в массивных, окованных железом дверях. Слабый свет проникал только через это же оконце. В течение 73 дней Гус не видел ни одного человеческого лица, не мог писать, часто голодал и болел. Он был погребен заживо.

К этому времени в руки палачей попал и Иероним Пражский. Несмотря на просьбы Гуса, он приехал в Констанц, желая помочь ему. Видя, что он ничем не может облегчить участь Гуса и ежеминутно рискует жизнью в логове врага, Иероним внял уговорам своих друзей и тайно уехал назад в Чехию. Казалось, что по крайней мере ему удастся избежать опасности,— уже недалеко была граница. Но Иеронима настигли враги. Он был схвачен и в цепях привезен в Констанц. Здесь его подвергли всем ужасам одиночного заключения, сковали по рукам и ногам и держали в таком положении, что он не мог даже выпрямиться.

5 июня 1415 г. Гуса привезли в Констанц. Сильное впечатление производил этот человек, почти ослепший от долгого пребывания в темноте, харкающий кровью, настолько слабый, что, казалось, он не выдержит собственных оков, поставленный перед сонмищем сытых, выхоленных, роскошно одетых тунеядцев.

Как много глаз смотрит на него и как редки среди них взгляды сочувствия и поддержки! Свистом, руганью, ли-

кующими возгласами встретило большинство собора сломленного, как им казалось, врага. Но ничто не могло поколебать спокойной, твердой уверенности борца. Ни разъяренные лица врагов, ни блестящее оружие стражи, ни обвинения, подкрепленные авторитетом 20 университетов, не заставили Гуса изменить своим убеждениям. Разве мог он обмануть тех людей, которые некогда со вниманием и любовью слушали его проповеди?

Гус еще надеялся, что ему все же будет дана возможность защищать свои взгляды хотя бы в качестве обвиняемого. Но не тут-то было. Ненависть католических церковников к крестьянскому сыну, осмелившемуся выступить против их освященного веками господства, была беспредельна.

Вместо допроса и суда Гусу предъявили экземпляры его произведений и спросили признает ли он их своими. Он ответил утвердительно. Тогда были зачитаны обвинительные пункты — те самые, которые и раньше предъявлялись ему. От Гуса требовали безоговорочного отречения от его взглядов. Попытка Гуса выступить в защиту выдвигавшихся им положений не привела ни к чему. Отцы собора свистели, улюлюкали, топали ногами, многие вопили: «Смерть еретику!», «На костер чешскую свинью!» Слабые голоса тех, которые пытались добиться соблюдения хоть видимости некоторых судебных формальностей, тонули в гаме, хохоте, площадной брани. Гус не мог заглушить голоса обвинителей. Он не знал, кому из них отвечать сначала. А они исступленно орали: «Он молчит — значит, согласен с обвинениями!». Еще и еще раз Гус безуспешно пытался выступить в свою защиту, но это вызвало такой содом и смятение, что заседание пришлось прервать, и Гус был снова отвезен в тюрьму.

Возвратившись в камеру, Гус написал своим близким письмо, являющееся одним из волнующих документов средневековья. Из письма видно, что его боевой дух не был сломлен. «Кричали они на меня почти все, как иудеи на Иисуса,— писал Гус,— но до сих пор не добились главного». Единственное желание, которое он высказывал в письме, состояло в том, чтобы ему была дана возможность отвечать на все пункты обвинения. Увы, ему не удалось дать бой своим врагам.

Через день Гуса снова привели на собор и безобразная сцена повторилась опять. Враги напрасно убеждали его

покориться «милосердному» решению собора — Гус ответил, что он готов подчиниться, если его убедят разумными доводами. В ответ на это обвинители обещали Гусу, что формула отречения будет составлена в «удобном» виде и ему будет дано время подумать над ней. Однако и теперь Гус отказался отречься. Снова стали раздаваться враждебные выкрики, ругательства и угрозы, и под этот зловещий шум Гус был уведен в тюрьму, на этот раз окончательно.

Возможно, что если бы Гус сдался, он сохранил бы жизнь и даже свое положение. Но Гус и не помышлял об отречении, которое представлялось ему самой черной и омерзительной изменой. Его спокойное упорство приводило в бешенство врагов. Когда его уводили, Сигизмунд, присутствовавший при допросе, стал требовать расправы с Гусом и Иеронимом.

В последние дни своего заключения Гус успел написать еще несколько писем, дать последний ответ по пунктам обвинения, а также проститься с немногими друзьями, которые сумели пробраться к нему в тюрьму. Даже теперь Гус вспомнил о Иерониме и выразил сочувствие своему собрату. Приходили к нему и враги, все еще пытавшиеся вырвать у него отречение.

1 июля 1415 г. специальная депутация собора потребовала от Гуса окончательного ответа. Он снова отказался отречься. Тогда ему все же вручили формулу отречения, составленную в смягченных и неопределенных выражениях. Такая «уступчивость» церковников объяснялась, разумеется, не милосердием, а совсем другими соображениями. Попы хотели любой ценой лишить Гуса любви и поддержки народов. Эта коварная цель была бы достигнута, если бы Гус отрекся. Этим шагом попы хотели не только очернить Гуса и его учение, но и нанести смертельный удар всем тем, кто смело поднимал голос протеста против оплота феодализма — католической церкви. Своим мужественным поведением Гус сорвал эти планы. Гус отверг и это покушение. 5 июля вечером Гусу было сообщено, что на следующий день он будет казнен. В последнюю ночь Гус написал еще два письма, в которых призывал своих друзей стоять за истину и справедливость.

Утром в субботу, 6 июля 1415 г., Гус был одет в пышные одеяния магистра и приведен в заседание собора. На высоком разукрашенном помосте восседал окруженный

Казнь Яна Гуса

пестрой свитой император. Здесь же находились многие кардиналы, епископы, магистры и другие участники собора. После торжественного богослужения был зачитан длинный обвинительный акт. Гус пытался отвечать и упрекнул императора в вероломстве, но Гуса принудили к молчанию. После этого были оглашены материалы процесса и, наконец, произнесен приговор. В первом пункте были преданы проклятию и обречены на сожжение все произведения Гуса, написанные на любом языке. Во втором он сам был объявлен еретиком. Это означало, что Гус приговаривался к смертной казни через сожжение.

Началась издевательская церемония расстрижения. С Гуса сняли одежду магистра и облачили в одеяние священника. Затем каждая часть этих одежд была с него сорвана, и со словами: «Вручаем душу твою дьяволу!» — он был отдан в руки палачей. На Гуса надели бумажный колпак с изображениями пляшущих чертей, на плечи набросили рубище. Затем была произнесена страшная и омерзительная по своему лицемерию формула: обращаясь к императору, представители церкви попросили наказать еретика «мягко и без пролития крови».

Со связанными руками Гус был проведен мимо костра, на котором горели его книги, и выведен за город. Народ

из города не допускали к месту казни Гуса, боясь проявления сочувствия и любви. На месте казни уже было приготовлено зловещее сооружение из дров и соломы. Вокруг стояла стража. Гусу предложили исповедаться. Он ответил: «Не надо, на мне нет смертного греха».

Палач стал вбивать около костра столб. Гус молился. Затем помощники палача привязали его мокрыми веревками к столбу и обложили до плеч вязанками дров и соломы. Вокруг шеи Гуса была накинута железная цепь. Вязанка дров была подложена и под ноги. В последний раз приблизились к Гусу уполномоченные собора и снова предложили ему отречься. Гус ответил, что он хотел облегчить жизнь людям и готов принять смерть за правду.

Палач поджег костер. Гус начал петь молитву, но вскоре затих. Когда костер догорел, обуглившееся тело Гуса еще висело на столбе. Тогда были заново привезены дрова и сооружен новый костер. Тело отвязали от столба, разбили палкой череп и кости и бросили в огонь. В огонь была брошена и снятая с Гуса одежда. Пепел от костра был тщательно собран и выброшен в воды протекавшего недалеко Рейна.

* *
*

Горестная весть о мужественной гибели Гуса и страшном злодеянии собора быстро долетела до Чехии. Она не лишила народ решимости бороться за правое дело. Напрасно рассчитывали палачи запугать и поставить на колени свободолюбивый чешский народ. Напрасно обрекли они в яростной злобе на мучительную смерть и другого выдающегося борца — Иеронима Пражского. Более года продержали его в темнице, а 30 мая 1416 г. его постигла трагическая участь Гуса, его друга и учителя. На смену погибшим вставали новые бойцы, и число их росло. Известие о констанцских кострах явилось той искрой, которая вскоре разожгла в Чехии пожар народной войны.

Едва прошло четыре года со дня смерти Гуса, как по всей Чехии запылали монастыри и замки феодалов. На протяжении многих лет восставший чешский народ громил своих врагов. Неоднократно пытались реакционные силы феодально-католической Европы подавить грозное восстание. Напрасно римский папа провозглашал крестовые походы против непокорной Чехии, напрасно император соби-

рал орды наемников. Не раз враги, неся смерть и разорение, вторгались со всех сторон в пределы Чехии, но всякий раз народное войско громило захватчиков, уничтожало и изгоняло их с родной земли. Даже предательство чешских панов не помогло императору и папе восстановить свою власть над мятежной страной. И только тогда, когда силы народных масс были подорваны долгой и неравной борьбой, а богатые горожане и рыцари нанесли восставшим удар в спину, черные силы феодальной реакции восторжествовали.

Но чешский народ не склонил голову. Из поколения в поколение лучшие его сыны вели священную борьбу за свободу и справедливость. В этой славной борьбе их вдохновляли светлый образ Гуса и память о героических подвигах его соратников. Более полутысячелетия прошло с того дня, как догорел костер в Констанце. Но воистину бессмертны идеи правды и справедливости, за которые отдал свою благородную жизнь Ян Гус. Велика заслуга человека, выступившего в мрачную и глухую пору средневековья против католической церкви и папства, оплота мракобесия и реакции. Замечательным примером пламенного патриотизма, беспредельной любви к народу была вся его жизнь. Завет Гуса — «Люби родину» — близок и понятен народным массам всего мира. Принципиальность, последовательность, верность великой цели, бесстрашие в неравной борьбе — эти черты сделали Гуса подлинно народным героем и навсегда обеспечили ему место среди наиболее выдающихся людей разных народов и стран.

В условиях средневековья смелое выступление против католической церкви во имя интересов народа было исполнено революционного значения. И призывом к борьбе за лучшее будущее звучали слова Гуса: «Ищи правду, слушай правду, учись правде, люби правду, говори правду, держись правды, защищай правду до конца».

Много тяжелых испытаний выпало на долю народов Чехословакии. Не раз в трудные, переломные моменты своей истории народ черпал силы и уверенность в простых словах Гуса: «Правда все победит». С именем Гуса поднимались чешские патриоты на борьбу против эксплуататоров и иноземных захватчиков. И в наши дни, когда народы Чехословакии стряхнули со своих плеч ярмо многовековой эксплуатации и вместе со всеми братскими славянскими народами в едином лагере социализма

строят новую жизнь, они свято чтут память национального героя, патриота и борца. Ежегодно 6 июля по всей Чехии зажигаются в память о Гусе костры — живое напоминание о его жизни и гибели. Пламя этих костров призывает народ к самоотверженному труду во имя счастья и процветания родины, к борьбе за мир и социализм.

Народы нашей страны всегда видели в чехах и словаках своих братьев. Волнующей демонстрацией извечной и непоколебимой дружбы явилась восторженная встреча, оказанная трудящимися Чехословакии партийно-правительственной делегации СССР,— торжественно прозвучали 16 июля 1957 г., через 542 года после смерти Гуса, на Староместской площади Праги проникновенные слова Н. С. Хрущева. Обращаясь к многотысячной массе, заполнившей не только широкую площадь, но и соседние улицы, и говоря о славных традициях революционной и освободительной борьбы народов Чехословакии, Н. С. Хрущев вспомнил о Гусе. «Образ великого борца и мыслителя Яна Гуса,— сказал он,— зовет народ к неустанной борьбе за идеи правды и справедливости, за которые он без колебания пошел на костер». В этих словах четко выражены чувства трудящихся всего мира к светлой памяти великого сына чешского народа, отдавшего жизнь за дело правды и справедливости — то дело, которое сейчас одержало на его родине и во многих других странах решительную победу.

85 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1958